

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

9
Б26

872
26

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Е. Барсова.

42995

С. Петербургъ.
1873.

35
526

АДВО.
ДИКОВС.
СМЪКЪ.

Сол. Сол., = ...

ПАМЯТНИКИ

НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

Музей Ростовского
№ 10 Е. Барсова.
Музей
Музей ...

РОСТОВСКИЙ
№ 357/5
МУЗЕЙ (Р. Губернии)

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 217. Типографія Майкова, въ д. Министер. Фин., на Дворц. площ.

1873.

~~0145~~
БИБЛИОТЕКА
РОСТОВСКОГО
ФИЛИАЛА ЧРМЗ

РГ 3129
04. ВЗ

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

230065

ТЕКА
МОГО
АРМЗ

ПАМЯТНИКИ НАРОДНАГО ТВОРЧЕСТВА ВЪ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ.

ОБЪ ОЛОНЕЦКОМЪ ПѢСНОТВОРЧЕСТВѢ ¹⁾.

Олонецкая губернія справедливо въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе людей науки. Начиная отъ пѣдръ земныхъ до верха человѣческаго сознанія и отъ граней холмовъ вѣковыхъ до безчисленнаго разнообразія животной жизни, здѣсь все представляетъ глубокой интересъ для изученія. Но если чѣмъ особенно богатъ этотъ край, то именно разнообразными созданіями народнаго творчества: здѣсь бьетъ оно кипучимъ ключемъ и разливается въ необозримый океанъ народной поэзіи, предъ которымъ невольно чувствуетъ свое безсиліе изучающій. Въ эпическихъ старинахъ уцѣлѣли для насъ тѣ драгоценныя доисторическія преданія, которыхъ нельзя уже встрѣтить ни въ какихъ другихъ источникахъ; въ обрядовыхъ пѣсняхъ и погребальныхъ плачахъ предъ нами рисуется вся душа народа съ ея волненіями, съ ея повышеніями и пониженіями, вся внутренняя жизнь его съ тяжелою обстановкою, съ борьбою противъ стихій природы, противъ силы обычая и людской неправды.

¹⁾ Читано въ засѣданіи Общества любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ 30-го апрѣля 1872 г.

Три условія главнымъ образомъ благоприятствовали развитію и сохраненію народнаго творчества въ Оболенскомъ краѣ.

Первое—то, что здѣсь живутъ Новгородскіе удалы-добры молодцы, народъ толковитой, затѣливой и хвативитой. Оттиснувъ „роды Корельскихъ дѣтей“ въ станы каменистые и болотные, они занимаютъ здѣсь мѣста удобныя, хлѣбородныя. Щегольство-гульба до нынѣ составляетъ здѣсь главную забаву молодецкую. Добры молодцы носятъ здѣсь поддевичку дорогихъ суконъ, на ножкахъ сапожки козловыя, кругъ сердечка кушачник шелковыя, на головѣ шляпоньки пуховыя, оны ходятъ-то, удалы,—подтяни нога. Красныя дѣвушки рядятся въ цвѣтное, басистое платьице, сарафаны новомодныя, рострубистыя; на голову кладутъ жемчужную подвѣсточку, по подвѣсточкѣ—розову косыночку; въ завивную свою косу русую влетаютъ золотыя, дорогія эти ленточки; во ушеньки сережки брилліантовы; на бѣлую грудь цѣпочку золоченую. Мужики живутъ здѣсь великія смѣлугища; ни на морѣ не боятся непогоды, ни въ лѣсахъ дремучихъ звѣрей оны рыскачухи, ни судей не боятся страховитыхъ. Женщины здѣсь спадливыя домовушки и великія стряпушки; оны стряпаютъ стряпню новгородскую: нагольники, сванцы, припечники, рядовики, пироги-тонки-пряженки и т. п. Но всего замѣчательнѣе то, что здѣсь до нынѣ живо сохраняются еще воспоминанія о тѣхъ прежнихъ временахъ, когда „Новгородъ вѣдь былъ не покорёной, и ко суду былъ крестьяне не приведенъ“. Золотой вѣкъ этотъ рисуется въ здѣшнихъ преданіяхъ такъ:

„Были людушки тогда, да не штукавы,

„Не штукавы оны были, запростѣйшия;

„Какъ судьи да въ тую пору не молодцы,

„Пожиты да мужики были почётныя,

„Настойсливы оны да правосудливы“.

Самый судъ происходилъ здѣсь „на церковномъ крыльцѣ“ и дѣла рѣшались „передъ образомъ“:

„Буде што да въ прежнія времена случилося,

„Соберется три крестьянина хоть стоящихъ,

„Промежь дѣ-другомъ оны да разсовѣтуютъ,

„Какъ спасти да челоуѣка-то помиловать

гю и
и мо-
снубъ
е, они
гульба
Добры
жкахъ
головъ
Крас-
рафаны
ю под-
ю свою
шеньен
ю. Му-
бонтся
ихъ, ни
и домо-
вогород-
ни-пр-
до нынѣ
еменахъ,
крестъ-
дѣшнихъ

„По суду ли то теперечко по Божьему,
„По этимъ ли законамъ праведливимъ.
„Тыи времечка прошли да не впадутца,
„Тыи годы скоротались, не слыхаюцца“¹⁾.

Но вотъ „наступили бусурманы превелькии, разорили они сла-
ной Новгородъ“, и съ того времени быстро пошло заселеніе Обо-
онежскаго края. Всѣ тутъ прѣдались въ подсибирну сторонушку,
на званы острова да эти Кижскіи, во славное во общество но
Толвую²⁾. Построили здѣсь домовища, завели здѣсь торговлю и
разбогатѣли:

„Были добры у ихъ кони проходныи,
„Были славны корабли да мореходныи“.

Но при всемъ своемъ богатствѣ долго не могли они забыть
своей родни:

„Какъ сберутся въ Божью церковь посвященную
„О Благочиномъ они да этомъ праздничкѣ
„И прослужать тамъ обиденку воскресную,
„И какъ выйдутъ на крылечко церковное,
„И какъ взглянуть во подлѣтнюю сторонушку, —
„Тутъ защемишь ихъ ретливое сердечушко,
„Сговорятъ они вѣдь есть да таково слово:
„Гдѣ вѣдь жалобно-то солнце пропекзе,

¹⁾ Изъ плача о старостѣ.

²⁾ Имя Кижъ обнимаетъ юго-западную часть такъ называемаго Заонежья, то
есть, полуострова, вдающагося въ Онежское озеро съ сѣвера на югъ. Въ составъ
Кижской волости входятъ шесть погостовъ: Кижскій, Сѣногубскій, Великогубскій,
Лядомозерскій, Космозерскій и Карасозерскій. Толвуя есть общее названіе
восточной полосы Заонежья, то есть, погостовъ Типеницкаго, Кузарандскаго,
Вязозерскаго, Толвуйскаго, Фоймогубскаго. Въ обѣихъ волостяхъ считается болѣе
чѣмъ по 4,000 душъ жителей. И та, и другая группа поселеній довольно древни:
названіе Толвуя неоднократно встрѣчается въ историческихъ памятникахъ, начи-
ная съ XV вѣка. Главный промыселъ населенія, въ обѣихъ волостяхъ, состав-
ляетъ рыбная ловля; сверхъ того, многіе Кижане занимаются столярнымъ, плот-
ничнымъ и портняжнымъ мастерствомъ, а также службой на судахъ; всѣ эти
последніе промыслы — отхожіе. Толвуйцы тоже отчасти промышленуютъ бурлаче-
ствомъ (изъ свѣдѣній, сообщенныхъ крестьяниномъ Кижской волости И. А. Касья-
новымъ).
Л. М.

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи стариница — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могучѣе и кряковистѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долголѣтнихъ стариницъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойти до насъ самыя древнія старини стародавнія.

Наконецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки устороньща, дикія загѣсыща и малыи безлюдьща. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

- „Туды малая птица не залетивать,
- „Сѣрой зайшко туды не проскакивать;
- „Извоцины туды не заѣзживають,
- „Перехожин калѣки не захаживають“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именно то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сильнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ поминникахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчаемъ имена потопшихъ, древомъ убиенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — забели на поляхъ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

какъ
быту,
одол-
орать

2).

донныѣ
бой, за-
бытъ и
дѣ и въ
э условіе

для сохраненія здѣсь множества историческихъ и эпическихъ старинъ.

Другое подобное условіе состоитъ въ необыкновенномъ долголѣтіи, которое составляетъ замѣчательную особенность этого края. Здѣсь отецъ семейства часто видитъ не только внучатъ, но и правнучатъ и праправнучатъ. И теперь живутъ здѣсь великіи старкица — лѣтъ сто и больше. Мы сами видали тамъ старика 130 лѣтъ. Въ прежніе же годы народъ былъ еще шире, могучѣе и кривовиствѣе. Итакъ, стоитъ только представить десять такихъ долголѣтнихъ старкицъ въ преемственныхъ поколѣніяхъ, и для насъ станетъ ясно, какъ легко могли сохраниться и дойти до насъ самыя древнія старинныя стародавнія.

Накопецъ, дикость сѣверной мѣстности ограждала народное творчество отъ разрушительныхъ для него вліяній цивилизаціи. Олонецкая губернія, какъ извѣстно, занимаетъ собою пространство, которое больше многихъ государствъ Европы. Кромѣ озера Онега, которое называется моремъ, здѣсь 2,000 другихъ великихъ и малыхъ озеръ. Вѣковые лѣса во многихъ мѣстахъ еще не тронуты рукою человѣка. Здѣсь повсюду далеки устороньща, дикія залясьща и малыи безлюдьща. Во многія мѣста нельзя проѣхать ни зимой, ни лѣтомъ:

„Туды малая птица не залетывать,

„Сѣрой заюшко туды не проскакивать;

„Извощики туды не заѣзживаютъ,

„Перехожии калѣки не захаживаютъ“.

При такой обстановкѣ, естественно, внутренняя жизнь народа должна наполняться преданіями и обычаями предковъ и по преимуществу вращаться въ области поэзіи.

Одно только обстоятельство могло здѣсь задерживать развитіе народнаго творчества и вліять, такъ сказать, на его отрывочность: это именпо то, что сѣверный человѣкъ постоянно находился подъ сильнымъ давленіемъ природы. Въ древнихъ поминкахъ, сохранившихся здѣсь во множествѣ, мы постоянно встрѣчамъ имена потопшихъ, древомъ убіенныхъ, звѣремъ растерзанныхъ, демономъ уведенныхъ. Здѣсь то и дѣло — забели на полѣ, недороды на лугахъ, недоплоды на дворѣ. Много силъ нужно было тратить

сельщикъ. Старикъ помнать его до настоящаго времени. Онъ умеръ лѣтъ 75 тому назадъ. Разсказываютъ, что онъ былъ человекъ „обдѣлстый“, ходилъ по монастырямъ и зналъ много старинъ и прѣсказней: „Эдакаго“, говорить, „дѣвца съ гуслими (трехугольными, въ 12 струнъ) не бывало да и не будетъ; еще сто годовъ, а память Михаила не забудется“. Пришелъ онъ однажды въ Питеръ къ одному генералу—милостыни просить, чтобы родителей поминуть. Генералъ наскоро высталъ съ канапели (то есть, съ дивана) и по щеки ему далъ: „Вотъ тебѣ“, говорить, „на помянокъ“. Михаилъ благодушно принялъ эту милостыню и отправился дальше съ своимъ товарищемъ; но генералъ вдругъ оборотилъ ихъ къ себѣ: „Ай же вы, пси“, говорить, „что вы знаете?“ „Мы, всезнаемъ,—пѣсни пѣтъ, старини сказывати, на гусяхъ играть съ прпѣвкамъ“. Генералъ продержалъ ихъ у себя три недѣли, съ дому не спущалъ,—это было во время маневровъ; самъ онъ писался боленъ и все старини слушалъ да игру на гусяхъ; а когда отпустилъ изъ дому, далъ имъ по халату. Сынъ Михаилъ хозяйствовалъ въ Петербургѣ, вышелъ тамъ въ купцы, дознался и вывезъ отца—не далъ больше ходить по Питеру; но Михаилъ померъ въ деревнѣ; въ Питерѣ не могъ жить, не по душѣ ему было.

Этотъ слѣпецъ извѣстенъ еще одною пословицей, которая повторяется до нынѣ. Въ деревнѣ Пустынь, въ 14 верстахъ отъ Космозера, жилъ крестьянинъ Иванъ Кирпловъ—подавалъ милостыню маленькую, былъ жаденъ и скупъ; про него-то Михаилъ сложилъ стихи:

„На узкихъ Пустыняхъ
„Жилъ-былъ Иванъ Кирпловъ—
„Ни голъ, ни богатъ;
„Онъ сорокъ кашикъ
„Однимъ блиномъ надѣлалъ,
„А что пальцемъ пакнетъ,
„То и милостыни“.

Изъ учениковъ Михаила Слѣпаго до нынѣ извѣстны Филиппъ Клеменьтевъ Сизой и Трифонъ Ивановъ Злюбинъ.

Сизой—изъ деревни Артовской, самый близкій сосѣдъ Михаила Слѣпаго; около 50 лѣтъ, какъ умеръ. Онъ былъ шпировъ, порный

и сильный старпеще; занимался плотничеством и былъ такой плотникъ, что топоръ повѣситъ да взглянетъ глазами, такъ пткою не отбивалъ, отвѣса не пужно было. Однажды работалъ онъ съ товарищемъ Фомой Фомичемъ въ раскольничьемъ Даниловѣ монастырѣ: тесъ пилили. Прочіе пильщики да монастырцы подсмѣивали надъ ними, что „они такіи плечистии да могущии“. Около кузленцы стоялъ огромный валъ мельничный, *бушми* на него пагояли. Спзой съ Фомичемъ взяли этотъ валъ, бросили кверху и стали играть имъ, какъ игрушкой. Увидалъ это большакъ, подивился не мало и далъ имъ за это баптку, приниъ большой съ поларшина во всѣ стороны. Спзой пѣлъ много былинъ, и голосъ у него „прибрякивалъ“. Братъ его Фодотъ Клементьевъ живѣ до теперь; ему 100 годовъ; тотъ былинками не занимается; звѣрей ловитъ больше, лисницъ да зайцевъ.

Другой ученикъ Михаила Слѣпаго—Трифонъ Зюбинъ, изъ деревни Денисовой, того же Космозерскаго погоста; лѣтъ 20 какъ умеръ. Занимался онъ крестьянствомъ. Недовидокъ онъ былъ; такъ говорилъ—запался, а какъ старину начнетъ пѣть—чудо какой голосъ мастерской: и въ умахъ нѣтъ, что поетъ запка. Пѣлъ онъ больше про Дюка Стаславича и Добрыню Никитича. Когда кто плохо разбиралъ въ книгѣ, тому говорили: „Ступай къ Трифону, онъ лучше тебя знаетъ, даромъ что подслѣповатой“.

Лѣтъ 20 тому назадъ былъ здѣсь еще одинъ мастеръ пѣть старини—Онтонъ Ивановъ Устрѣцкой; очень много зналъ онъ при сказней; ко всякому слову было готовое слово. Покрывалъ онъ церковь бѣлою жостью въ Космозерѣ и на башгалюю съ вреста сталъ спускаться по веревкѣ; ногой ступилъ въ петлю, въ одномъ концѣ каната, а другой конецъ держалъ руками и опускался; канатъ закусилъ жостью; Онтонъ взадъ было похарайдовалъ, но лукавой попуталъ; упалъ онъ и убился.

Е. Барсовъ.

I.

Б Ы Л И Н Ы .

Печатаемые былины сообщены въ Географическое Общество Е. В. Барсовымъ, бывшимъ профессоромъ Петрозаводской духовной семинаріи, а нынѣ помощникомъ хранителя рукописей въ Московскомъ Публичномъ и Румянцевскомъ музеяхъ. Былны эти записаны по порученію г. Барсова бывшими его учениками, преимущественно г. Михайломъ Гурьевымъ. Сказитель, отъ котораго записана большая часть былинь, есть крестьянинъ Василій Щеголенокъ или Щеголепковъ (ремесломъ—бродячій крестьянскій портной), извѣстный по сборнику П. Н. Рыбникова (см. т. III, замѣтка собрата, стр. XXV—XXVI, и т. IV, перечень пѣсенъ по пѣвцамъ, стр. 6), а также по статьѣ А. Θ. Гильфердинга „Олонецкая губернія и ея народныя расказы“ (Вѣстникъ Европы 1872 года, кн. 3-я, стр. 92, 120 и 122). По замѣчанію Гильфердинга, Щеголенокъ принадлежитъ къ числу сказителей, „которые отвыкли отъ соблюденія размѣра“; этимъ замѣчаніемъ, которое подтверждается и словами г. Барсова (ср. выше, стр. 530), объясняется нѣкоторая нестройность стиха въ печатаемыхъ пересказахъ.

Не смотря однако на этотъ недостатокъ, пересказы г. Барсова весьма замѣчательны по представляемымъ ими особенностямъ содержания и изложенія. О. Θ. Миллеръ еще въ 1868 году, пиша въ рукахъ сборникъ г. Барсова, познакомилъ съ нимъ Отдѣленіе Этнографіи и тогда же указалъ на нѣкоторыя особенности Барсовскихъ пересказовъ; въ послѣдствіи эти указанія были имъ внесены въ его обширное изслѣдованіе о русскомъ народномъ эпосѣ: „Илья Муромецъ и богатырство Киевское“. Печатаемая нынѣ цѣлкомъ пересказы г. Барсова, мы сочли не бесполезнымъ и въ соответствующихъ мѣстахъ сдѣлать ссылки на книгу г. Миллера, а также и съ своей стороны прибавить нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній.

Л. М.

Святогоръ богатырь ¹⁾.

1.

Святогоръ богатырь—спла у него неизвѣстная;
Поѣзжаетъ въ путь дороженьку во широкую,
Со зтыма съ доспѣхагь богатырскими;
Береть онъ плеточку шелковую—
Коня-то богатырскаго поуживать;
Паллицу булатную — погривать.
Гдѣ конь идетъ, по колѣнъ въ землю гражетъ,
Подъ зтымъ Святогоромъ богатыремъ.
Сдремалъ Святогоръ богатырь —
На томъ конѣ да богатырскоемъ;
Вдругъ п сзадѣ его наѣхалъ человекъ неизвѣстенъ,
Ударилъ паллицей булатною —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Русскіе мухи кусаютъ больно“.
И другой разъ ударилъ Святогора богатыря —
И проговорилъ Святогоръ таково слово:
„Садко, терпѣть не могу“.
Оглянулся назадъ Святогоръ-богатырь
Со зтого коня богатырскаго,
Со зтого со стремени булатнаго,
Поворотъ держалъ да на правѣ руку,
Схватилъ онъ человека неизвѣстнаго съ сирой земли,
Положилъ онъ человека во свой колчанъ.
Поѣхалъ Святогоръ богатырь,
Путемъ—широкой дороженькой;
Плеточкой коня да онъ поуживать,
Паллицу булатну съ руки на руку перемѣтывать;
Конь-то идетъ спотыкается,
Малыи рѣки онъ прошакивать,
Не широки озера перескакивать,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Ѳ. Миллера стр. 181, 218, 243—244.

Озера-болота перемахивать,
 Лѣса дремучи подь себя пуцать;
 Проговорить тутъ конь богатырскій
 Голосомъ человѣчьимъ,—
 Самъ говоритъ, самъ спотыкается:
 „Два богатыря на верху сидятъ“.
 Воспрогдворилъ Святогоръ богатырь:
 Что же ты конь да спотыкаешься?
 Что же ты служишь неправдою мнѣ?

— „Не могу нести, Святогоръ богатырь,
 Двухъ богатырей;
 Выпусти пзъ колчана богатыря
 На сиру землю;
 Побратантесь:
 Одинъ—будь бдльшій братъ,
 Другой—будь меньшій братъ.“

Прогдворить Святогоръ богатырь таково слово:

„Кто же ты есть за богатырь?“

Отвѣчаетъ русскій могучій богатырь:

„Есть русскій могучій богатырь
 „Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.

Прогдворить Святогоръ таково слово:

„Ай-же ты Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!

„Какой же ты русскій могучій богатырь!

„Везъ тебя въ колчанѣ трп поприща,

„Со тымъ конемъ да богатырскимъ,

„Со этой плеточкой шелковой,

„Со этой палицей булатной“.

И говоритъ Святогоръ богатырь:

„Когда ты называешься русскимъ могучимъ богатыремъ,

„Старый козакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

„А я русскій могучій богатырь Святогоръ.

„Конн у насъ мѣрны,

„Сила у насъ неизвѣстная—

„У русскихъ могучихъ богатыревъ“.

Вышли они со тѣхъ коней богатырскихъ—

Отдохнуть на матеръ на сыру землю;
Насыпали конямъ пшени да бѣлояровой;
Кони стоятъ да все пшено пдять,
Пшено пдять да бѣлоярово;
Сами ревомъ ревутъ да богатырскімъ,
Сѣдла у коней потрескиваютъ.
Пробудились русскіи могучіи богатыри
Отъ сна да богатырскаго;
Не много, не мало спали русскіи могучіи богатыри
Не много, не мало спали на сырой землѣ—трои сутки.
Стали стремени булатни перелаживать,
Прикрѣпить поспѣхи всѣ богатырскіи
На тихъ коняхъ да богатырскіихъ;
Садятся эти русскіи могучіи богатыри
На этихъ коней да богатырскіихъ
Со этими поспѣхамъ богатырскими,
Хочутъ ѣхать по сырой землѣ
И испитать своя сила богатырская—
Которій буде бѣльшій братъ,
И которій буде меньшій братъ.
Поѣхали они по сырой землѣ по матери,
Коней стали поуживать
Этими плеточкамъ шелковыми,
Пальцами булатными погрывать,
Пальцы впадаютъ подъ облако.
Разгорѣлось сердце богатырское
У этого Святогора богатыря;
Ужаснулось сердечко у стара казака Ильи Муромца,
Ильи Муромца, сына Ивановича.
И наладили разъѣзды на сырой землѣ
Эти русскіи могучіи богатыри,
Не на много, не на мало, на три поприща,
Испитать-то своей сили богатырской.
Поѣхали эти богатыри по чисту полю,
Коней стали поуживать
Плеточками шелковыми,

Тыми ль палцами булатныма погривать,
Выявдывали палицы булатныи подь облако.
Ужахнулось сердечко у стара казака Илья Муромца, сына
Ивановича,

Проговорить коню своему богатырскому:

„Ай же ты, конь мой богатырский,
„На уходь уходи: будемъ ми убиты.
„Отъ этого Святогора отъ богатыря“.

Поѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Со этимъ со конемъ да богатырскимъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У стара казака Илья Муромца, сына Ивановича.
Поѣхалъ онъ дорожкой широкою,
Въ умѣ держать—уѣхать отъ Святогора богатыря;
Не охота получить смерти напрасныя.

Коня сталъ богатырскою плеточкой попуживать,
Палницей булатной погривать.

Укрылся старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Со этого да со чиста поля.

Говорилъ со Святогоромъ богатыремъ
Слова да они вѣрныи —

Испытать своей силы богатырскою,
На томъ полѣ да на чистомъ.

Уѣхалъ старый казакъ Илья Муромецъ

Со этого со поля со чистаго;

Шпорами коня да богатырскаго потыкивать,

Плеточкой шелковой помакивать,

Палницей булатной погривать,

Самъ говорить старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, да сынъ Ивановичъ:

„И служи-тво ты, конь богатырской, безъизмѣнно мнѣ“.

Малыи рѣки конь перешакивать,

Озера не широки перескакивать,

Лѣса дремучи подь себя пуцать,

Волота на кругъ оббѣгать.

РН
сутки.

ромца,

Оглянулся Святогоръ тутъ богатырь,
На томъ ли онъ да на чистомъ полѣ,
Размялъ свою силу богатырскую:
Не видать русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ;
Уѣхалъ русскій могучій богатырь со чиста поля
Расходился печени богатырскія,
Разсмотрѣли очи ясны,
Что шѣтъ русскаго могучаго богатыря на чистомъ полѣ.
Проговорилъ своему коню да богатырскому:
Святогоръ богатырь таково слово:
„Служи-тко ты мнѣ да безъ пѣхнушки“.
Шпорами коня да онъ потрагиваетъ,
Конь подъ богатыремъ почувствуетъ,
Плечочкой шелковой полаживаетъ,
Коня да надо ему богатырскаго
Понуживать да приударивать,
Палцу булатну съ ножией да вытягивать,
А палицей булатной погрываетъ
И палицу подъ облако выкидываетъ.
Разгорѣлось сердце богатырское
У Святогора да богатыря —
Догнать надо стара казака Илью Муромца,
Илью Муромца, сына Ивановича.
Малии рѣчки конь перешакиваетъ,
Озера не широки перемакиваетъ,
Лѣсы дремучи подъ себя пуцалъ;
Не досталъ Святогоръ богатырь
Стара казака Ильи Муромца.
Разгорѣлось сердце богатырское
У того ль Святогора до богатыря;
Выходить онъ со добра коня,
Со добра коня да богатырскаго;
Становится онъ да на сыру землю,
Самъ проговорилъ Святогоръ богатырь таково слово:
„Удержив-тко ты, мать сыра земля,
„Русскихъ могучихъ богатыревъ“

„И Святогора да богатыря
„И стара казака Илью Муромца“.

Поднимается Святогоръ-то богатырь
На эту на щелью великую,
Слушаетъ каменя огромный
По всѣмъ сторонамъ,
По всѣмъ сторонамъ—на три поприща.
Разсмотрѣлъ Святогоръ-то богатырь
По всѣмъ по четыремъ сторонамъ:
Нѣтъ русскаго могучаго богатыря,
Стара казака Илья Муромца, сына Ивановича.
Поднимался Святогоръ да богатырь
На этого коня да богатырскаго,
Поѣхалъ-то по этому по полю по чистому,
Говорить-то онъ да таково слово:

„Было бы кольцо да во сырой землѣ,
„Друго бы кольцо да въ высокѣмъ небѣ

„Поворотилъ бы я мать сыру землю
„Вверхъ крайчикомъ;

„Не уѣхалъ бы отъ меня старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ“.

Поѣхалъ путемъ дороженькой Святогоръ богатырь
Отъ этой думы крѣпкой;
Измѣна-зона-то пошакиваетъ;
Приздынулъ да своей-то головы богатырскаго
Этотъ Святогоръ богатырь,
Утупилъ-то опять свои очи ясныя
Во сыру землю:

„Не съ кѣмъ испитать силы богатырскаго,
„Нѣтъ-то мнѣ, видно, попарщичка,

„И нѣтъ-то мнѣ да поединщичка“.

Лежить-то колчанъ да о широку путь дороженьку,
Подпись на колчанѣ да подписана:

„Въ этомъ колчанѣ—вся земная тягота“.
Остановилъ то Святогоръ богатырь
Своего то коня да богатырскаго.

БИБЛИОТЕКА
РОСТОВСКОГО
ФИЛИАЛА ЦРМЗ

Выходить съ коня да богатырскаго
На эту на матерь па сыру землю,
Глядитъ на коня да богатырскаго:

„Служилъ ты, конь богатырской, вѣрой-правдой мнѣ!“
Стоить-то конь да голова повѣшена,
Хочеть Святогорь-то богатырь
Испытать своей силой богатырской,
Припимается за этотъ колчанъ подпианный,
Первый приздннулъ колчанъ съ сырой земли,
Угрянулъ во сыру землю по косточкѣ;
Второй разъ колчанъ да приздмываетъ,
Угрянулъ Святогорь да богатырь по волѣночка,
Заревѣлъ то конь богатырской по звѣрному,
Самъ проговорить голосомъ человѣческимъ:

„Не кому больше ѣздить будетъ на конѣ да богатыр-
скомъ“.

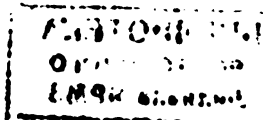
Вдохнулъ конь богатырской отъ своихъ печеней;
Лопнули стремена булатнѣи,
Оборвались свасточки шелковни,
Увалился конь на сыру землю.
Проговорилъ Святогорь да таково слово
И поднялъ колчанъ со сырой земли,
И принялъ себѣ смерть Божью.

(Запис. Михаиломъ Гурьевичемъ отъ крестьянина Василья Щеголенкова.
Пѣвецъ отказался пѣть эту былинку, но согласился рассказать ее, такъ
что она является не столько былинной, сколько побывальщиной).

**Дюкъ Степановичъ и Щурило Шапленковичъ (Ми-
жула Соляниновичъ и Вольга Святославичъ) ¹⁾.**

Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
На своемъ-то конѣ да богатырскомъ
Земли матери переваливать.
День-то пахалъ Дюкъ Степановичъ,—
Коня-то богатырскаго понукиваетъ,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. В. Миллера стр. 223.

И сошка у пахаря поскрипываетъ;
День-то проходитъ, на другой-то опъ на чисто поле,
Опять пахарь коня богатырскаго понукиваетъ,
И сошка у него да поскрипываетъ.
Проходить тому времени два денька —
Отправляется Дюкъ Степановичъ во чисто поле
Переваливать сырой земли матерп.
Идетъ-то русскій могучій богатырь
Путемъ-дороженькой да шірокой.
Пришелъ-то русскій могучій богатырь къ Дюку Степановичу,
Здоровье они сдѣлали между собой,
Спрашиваетъ Дюкъ Степановичъ таково слово:
„Какъ тебѣ имячко Божіе?“
Отвѣтъ держалъ русскій могучій богатырь:
„Имячко мнѣ—Щурилушко Щапенковичъ,
„Я до васъ день шелъ путемъ шірокой дороженькой
„Слышно, пахарь попахиваетъ
„И коня-то богатырскаго понукиваетъ,
„И сошка у пахаря поскрипываетъ;
„И во другой день отправился по дороженькѣ по шірокой
„И слышалъ, пахарь опятъ да попахиваетъ,
„Коня да богатырскаго понукиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрипываетъ;
„И въ третій день отправился въ путь дороженьку во ші-
року,—
„Пахарь опятъ да попахиваетъ,
„Сошка у пахаря поскрипываетъ.
„Въ третій день пахаря засталъ да на сырой землѣ“.
Проговоритъ Щурилушко Щапенковичъ да таково слово:
„Не ты ли есть Дюкъ Степановичъ?“
„Отвѣдаемъ-ко мы, Щурилушко Щапенковичъ
„Силы богатырскаго между собой!“
Оборотился Щурилушко Щапенковичъ
Проговоритъ ему да таково слово:
„Я вижу у стольпаго града у Кіева“.
Проговоритъ Дюкъ-то Степановичъ таково слово:

И мнѣ!“

богатыр-
вмѣ“.

Щеголенкова.
мать ее, такъ
оѣ).

вичъ (Ми-
ичъ) 1).

„Я живу-то за рѣкой да за Пачаевой.
„Надо испытать намъ, сила богатырская между собою!“
Приходитъ Щурлушко Щапенковичъ
Въ свою ли то палату богатырскую,
Говорилъ-то своей да родной матушкѣ:
„Ай ты, моя родная матушка!
„Я нашелъ-то въ походеи богатыря.
„День-то шель я до пахара,—
„Пахарь попахиваетъ,
„Кона да богатырскаго понукиваетъ,
„Соска у пахара поскрипываетъ;
„И по дрѹгой день тогда я отправился
„По той ли дороженькѣ по широкой,—
„Слышно пахарь опять да попахиваетъ,
„Кона богатырскаго понукиваетъ,
„Соска у пахара поскрипываетъ;
„И по третій день тогда я отправился
„Въ путь дороженьку во широкую,—
„Пахарь опять да попахиваетъ,
„Кона богатырскаго понукиваетъ,
„Соска у пахара поскрипываетъ.
„Пашеть пахарь-то Дюкъ Степановичъ,
„И сила у насъ-то не пытаная“.
Береть-то Щурлушко Щапенковичъ,
Береть онъ коня да богатырскаго
Во этой во конюшнѣ бѣлодубовой:
Надѣваетъ на коня уздцу тесмяную
Кладываетъ на коня исподнички,
На исподнички кладываетъ онъ войлочки,
На войлочки онъ сѣдельшко—
Сѣдельшко да черкасское;
Затягивать подпруги онъ двѣнадцатеры,
Пряжечки въ подпругахъ желѣзныи,
А шпилечки чиста золота;
Булатъ-то желѣзо не ржавѣеть,
Арабское золото не держится;

Завязывать Щурилушко свясточки семи шелковъ
Не для-ради красы—ради крѣпости;
Садится на коня да богатырскаго,
Съѣзжаетъ со двора да богатырскаго
Съ этима доспѣхомъ богатырскими
И самъ проговорить да таково слово
Своему коню да богатырскому:
„Ай же ты, мой конь богатырскій!
„Служи-тко ты мнѣ вѣрой-правдою
„Вѣрой-правдою да безъ измѣнушки,
„Какъ служилъ ты моему роду батюшку“.
Проговорить конь голосомъ да человѣчьимъ
„Садись-ко ты, Щурилушко Шапленковичъ,
„И поѣдемъ мы въ той рѣки ко Почаевой,
„Приѣдемъ мы да на крутъ берегъ
„Эта рѣка да Почаева
„Глубиной рѣка до сорока сажень,
„Поперекъ рѣка да верста мѣрная“.
Поѣхалъ-то Щурилушко Шапленковичъ
На этоемъ конѣ да богатырскомъ
На оную рѣку да на Почаеву.
Проговорить конь голосомъ да человѣчьимъ
„Ай ты, Щурилушко Шапленковичъ!
„Доѣдемъ мы до половини рѣки Почаевой,—
„Размокнуть твои свясточки шелковыи,
„Оборвутся твои стремени булатныи,—
„Держись ты за волосы конинни,—
„И вынесу я тебя изъ рѣки да изъ Почаевой,
„Вынесу тебя да на крутой берегъ.
„Осѣдай-ко ты сызнова коня да богатырскаго“.
Сѣдалъ тутъ Щурилушко Шапленковичъ
Коня своего да богатырскаго.
Перекрѣпилъ тутъ всѣ доспѣхи богатырскіи.
Унываетъ-то сердечушко у Щурилушки Шапленкова,—
Надо съѣхать то намъ на поле чистое
Ко этому ко Дюку ко Степановичу.

Садился на коня да богатырскаго
Щурилушко Щаплековичь
И проговорилъ таково слово:
„Служи-тко ты вѣрой-правдою,
„Вѣрой-правдою, да безъ измѣнушки!“
Шпорами коня да потыкиваетъ,
И конь-то дороженькой поступиваетъ
Головушкой своей да помахиваетъ.
Видитъ Щурилушко Щаплековичь,—
Ѣздитъ Дюкь-то Степановичь во чистомъ полѣ.
Сталъ то коня да онъ понуживать
Этою плеточкой шелковой,
Палицей булатной погнрывать.
Приѣзжаетъ Щурилушко Щаплековичь во чисто поле;
Разгарается сердце богатырское;—
Разъѣзды сдѣлали они за три поприща
Со этымъ со Дюкомъ Степановичемъ;
Они сотенулись палицами въ одно мѣсто.
И сразилъ-то Щурилушко Щаплековичь
Этого Дюка да Степановича.
И ударилъ его о сыру землю,
Самъ проговорилъ ему таково слово:
„Я буду большой братъ, Дюкъ Степановичь,
„А ты будь меньшій братъ;
„Станемъ мы служить у стольнаго Князя у Владиміра
„У Солнышка во городѣ во Киевѣ
„Служить-то будемъ безъ измѣнушки.“

(Запис. Гурьевымъ отъ Щеголенкова).

Илья Муромецъ.

Старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Ф. Миллера стр. 277, 285 и 767; здѣсь этотъ пересказъ ошибочно приписанъ галичѣ Латинскому.

И поѣхалъ въ путь—дороженьку широку
И на томъ ли конѣ да богатырскомъ,
И надѣлъ-взялъ шубку соболиную
Старой казакъ Илья Муромецъ;
И взялъ-то онъ плеточку шелковую
Понуживать коня да богатырскаго;
И взялъ-то палицу булатную,
И вѣсомъ-то она да сорока пудовъ,
И поѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ путь-дороженьку широку;
И пришло да тутъ три розстанн
И написано на розстанн:
Во праву руку ѣхать—женатому быть,
Во лѣву руку ѣхать—богатому быть,
Прямо ѣхать—убитому быть.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ:
Не надобно старому казаку Ильѣ Муромцу женатому быть,
И мнѣ не надо старому казаку Ильѣ Муромцу богатому
быть, —
Я поѣду казакъ Илья Муромецъ, гдѣ убитому быть.
И наѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на четыреста раз-
бойниковъ,
И вси-то разбойнички спать улеглись,
Одинъ-отъ разбойникъ похаживаетъ
И словечко самъ поговаривать:
„Ай же ты, старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Изюновичъ,
„Огдай-ко ты шубку соболиную;
„Если честно отдашь,—мы честно возьмемъ;
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возьмемъ;
„Отдай-ко ты плеточку да богатырскую:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ;
„Если—нѣтъ, такъ и не честно возьмемъ.
„Старой казакъ Илья Муромецъ!
„Отдай-ко ты палицу булатную:
„Если честно отдашь,—такъ мы честно возьмемъ,
„Если честно не отдашь,—такъ мы не честно возьмемъ“.

И куды же я, старой казакъ Илья Муромецъ?
Надо мнѣ шубка соболонная обогрѣваться,
Плеточка богатырская—коня попуживать,
Палица булатная—поигрывать.
И стали всѣ четыреста разбойничковъ.
Убили-то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И привязалъ-то одного разбойничка къ оторѣкамъ коннымъ
И поѣхалъ въ путь дороженьку широкую отъ силы убитой.
Въ шубѣ соболонной онъ да погрѣвается
На томъ ли конѣ богатырскомъ,
И плеточкой коня богатырскаго понуживать
И палицей булатной поигрывать.
Малыи рѣки онъ перешахивать—конь богатырскій
Не широкъ озера, да перескакивать,
И озера—болота перемахивать,
Лѣсы дремучи подъ себя пущать.
И захотѣлось стару казаку хлѣба соли покушати,
И пріѣхалъ онъ къ Одолци поганому;
И приходитъ старой казакъ Илья Муромецъ
Въ покоп богатырскіи
И говорилъ да онъ таково слово:
„И надо бы мнѣ стару казаку Ильѣ Муромцу пообѣдяти“.
Проговорилъ Одолци поганое таково слово:
„Называешься ты богатыремъ, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Росту ты есть да не великаго“.
Спрашиваетъ Одолци поганое:
„Много ли хлѣба кушаешь?“
Отвѣтъ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
„Хлѣба кушаю я, Одолци поганое, три фунта,
„Похлебки хлебаю я—кружку,
„Пива пью я пол-яндовы“.
Проговоритъ Татаринъ поганый:
„Какой же ты да за богатырь?
„Хлѣба ѣшь ты по малу,
„Похлебки хлебаешь ты по малу,

„И пива пьешь ты по малу?“

Проговорить Одолшце поганое:

„Вотъ я за богатырь.

„Голова у меня, какъ пивный котель;

„Глаза у меня, какъ пивны чашн;

„И межъ глазами у меня—да цѣлая пядень;

„И я кушаю богатырь, Одолшце-поганый,

„Хлѣба я кушаю—по печн

„И мяса я ѣмъ—по цѣлому стягу

„И пива я пью—по три янды“.

Старой казакъ Илья Муромецъ отвѣтъ держаль:

„У моего родителя у батюшки была на дворѣ корова эдака,—

„Сама она была да обжорлива;

„Ѣла, да пила,—да ю розорвало!

„Поѣдемъ-ко, Одолшце поганое, въ широкѣ поле,

„Отвѣдаемъ-ко силы богатырской!“

Сѣхались богатыри въ одно мѣсто,

И не оставилъ старой казакъ Илья Муромецъ

Одолшца поганого на сѣяна,

Растрепалъ Одолшца поганого.

И поѣзжае старой казакъ Илья Муромецъ съ этого обѣдища,

И поѣзжаетъ онъ во землю неизвѣстную;

Приѣхалъ къ царству незнакому,

Явился къ Королю на бѣлый дворъ.

Донесли Королю, что приѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ на королевскій дворъ.

Выходитъ онъ съ покоя королевскаго,

Проговорилъ ему да таково слово:

„Ай жетн, старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичь!

„И слышно о тебѣ да о богатырѣ по всѣмъ ордамъ“.

Проговорилъ Король да таково слово:

„Живи-тео ты, старой казакъ Илья Муромецъ у меня во дворѣ“.

Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ сынъ Ивановичь:

„Умертвилъ-то я четыреста разбойничковъ;

„Однѣз-отъ разбойничекъ къ оторокамъ кониннымъ“.

кониннымъ
убитой.

обѣдати“.

Илья Муромецъ,

И

„Жилъ бы ты, старой казакъ Илья Муромецъ,
„Былъ бы граду моему да защитчикъ.
„Нѣтъ у меня такого славнаго богатыря“.
И поѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Отъ этого Короля да со бѣлаго двора,
И въ умѣ держалъ старой казакъ Илья Муромецъ:
Надо съѣхать съ городу:
Въ описяхъ есть да написано:
Ко городу надо съѣхать ко Кіеву.
Розыскиваю я, богатырь, по всей земли
И мѣста-да я разсматриваю;
И сидѣлъ-то я, богатырь, старой казакъ,
Сидѣлъ-то я безъ ногъ тридцать лѣтъ;
Даль мнѣ Господь хожденіе ногамъ
И силу богатырскую неизвѣстную.
И ѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Хлѣбъ-то онъ имѣлъ да во колчанѣ
И всѣ доспѣхи при себѣ у богатыря.
Придвигается ко дорогѣ онъ ко широкой—
И написано на дорогѣ на широкой:
Во правую путь ѣхать—ко городу ко Кіеву.
По лѣвую путь ѣхать—ко Соловью Рахманову,
И этотъ разбойникъ Соловей извѣстенъ былъ по всей землѣ.
Жилище онъ имѣлъ себѣ на двѣнадцати дубахъ;
Мимо себя не пропущалъ ни коннаго, ни пѣшаго, ни птицы
летушей.
Свисталъ онъ по змѣнному,
Кричалъ онъ по звѣрному.
Остановился старой казакъ Илья Муромецъ;
Охота очистить путь эта ко городу ко Кіеву;
Пріѣзжаетъ ко полю ко чистому,
Увидалъ онъ богатыря, вѣзучись по полю по великому;
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
И копя-то богатырскаго богатырь понуждаетъ,
Палницей булатной погрыбаетъ,
Вывидываетъ палцу подѣ облако.

И такъ же старой казакъ Илья Муромецъ.
Коня сталъ понуживать
И палпцей булатной погнривать,
Выкидываетъ палпцу подь облако.
И выѣхали эти богатыри на широко поле
И увидѣлъ Соловей Рахмановъ русскаго могучаго богатыря,
Свиснулъ онъ да по змѣнному,
Крыкнулъ онъ да по звѣрному;
И конь то богатырскій у богатыря на колѣнки палъ,
И палъ да на сыру землю.
Проговорить старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Ай же ты конь да богатырской!
„Не бойся ты свисту змѣннаго,
„Не бойся ты крику звѣрнаго,
„Служи ты вѣрой-правдой мнѣ!“
Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ—
И вышпобъ Соловья Рахманаго
Съ коня да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ-то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рах-
манаго
Ко этпимъ въ оторокамъ кониннымъ;
И коня-то старой казакъ Илья Муромецъ понуживаетъ,
Палпцей булатней погнриваетъ;
Пріѣзжаетъ къ дому Соловья Рахманаго,—
Выло-то у него да три дочери.
Большая дочь говоритъ:
„Нашъ-то батюшка ѣдетъ
„Русскаго могучаго богатыря везетъ въ оторокахъ конинныхъ“.
И середняя дочь тоже говоритъ:
„Привязанъ русскій могучій богатырь въ оторокамъ кони-
нымъ“.
А меньшая дочь говоритъ:
„Ай вы сестры мои да родимыи!
„Русскій-то могучій богатырь ѣдетъ.
„Да нашего батюшку везетъ

„У тихъ ли у торокахъ копныхъ“.
Приѣзжаетъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко этому дому ко Соловья Рахманаго;
Ворота да отворены на пята—на бѣлый дворъ;
Махнулъ онъ тутъ коня да богатырскаго
Плеточкой шелковой,
Собрался на бѣлый дворъ старый казакъ Илья Муромецъ;
Выходятъ дочери на крыльцо да на парадное,
Проговорятъ богатырю да таково слово:
„Умертвилъ ты нашего родителя!“
Проговорилъ старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Знаешь ли ты, большая дочь Соловья Рахманаго?
„Есть ли храбрѣе меня, вонна Ильи Муромца,
„А красивѣе тебя?“
Проговоритъ дочь великая Соловья Рахманаго:
„Я твоей храбрости не вѣдаю,
„Стара казака Ильи Муромца и сына Ивановича,
„А своей красоты да дѣвичьей не могу я знать!“
У мѣншой у сестры спрашиваетъ старой казакъ Илья Му-
ромецъ:

„Есть ли красивѣе тебя и храбрѣе меня?“
Проговоритъ меньшая дочь Соловья Рахманова:
„Во подсолнечноѣ градѣ у Кóроля
„Есть дочь единая; брови у ней—черна соболя,
„Очи у ней—ясна сокола
„По косицамъ у ней звѣзды частыя“.
Раздумался старой казакъ Илья Муромецъ
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
Поѣду я, старой казакъ Илья Муромецъ,
Ко городу ко Кіеву
Увидать-то мнѣ надо Солнышко — князя Владиміра стольно-
Кіевскаго.

И приѣхалъ старой казакъ Илья Муромецъ
Ко городу ко Кіеву,
Къ тому ли князю да ко Владиміру
И ко Солнышку князю стольно-Кіевскому.

И входитъ во покон княжецкии,
Крестъ владеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ на три на четыре стороны покланяется,
И Солнышку князю Владимиру
Дѣлаетъ поклонъ особенной.
Увидали всѣ русскіи могучіи богатыри
Стара казака Илью Муромца, сына Ивановича:
„Будь ты намъ, старой казакъ Илья Муромецъ, большій
братъ!

„Держимъ мы надежду на тебя да великую,—
„Будь же ты городу Киеву да защитчикъ!“

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

2 1).

Какъ съѣхались сильніи могучіи богатыри въ чистомъ полѣ,
Они съѣхались да поздоровались,
Со первой со стѣроны батюшко старый казакъ да Илья
Муромецъ,

А съ другой со стѣроны сильное Иванище Игнатьевъ сынъ,
Они съѣхались да поздоровались.

„Здравствуй, сильное Иванище Игнатьевъ сынъ!

„Ты откуль идешь да откуль путь держишь?“

Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ:

„ Я оттоль иду да отъ Царя-града,

„ Отъ Царя-града иду да отъ Иеросолима“.

Говорить ему батюшко старый казакъ да Илья Муромецъ.

„Во Цари-градѣ есть вѣра та-ль по старому?

„Въ Иеросолимѣ есть вѣра да по прежнему-ль?“

Отвѣчать ему сильное Иванище Игнатьевъ сынъ

„Во Цари-градѣ есть вѣра не по старому,

„Въ Иеросолимѣ есть вѣра не по прежнему,

„Тамъ обспляло прсклатое Идолище,

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Э. Миллера стр. 326 и 750.

„Сидитъ между царемъ, между царницею
„Межъ Суривливымъ Васильемъ Боголюбевымъ“.

Говоритъ ему старшій казакъ да Илья Муромецъ:

„Чтожь ты на проклятое не напущалъ?“

Отвѣчать ему сильное Иваннище Игнатъевъ сынъ:

„Не то я на проклятаго не напускалъ,
„Не смѣлъ то я думшкой подумати,
„Не смѣлъ то я мыслями помыслити;
„Какъ головнице у проклятаго съ пивной востель,
„А глазища у проклятаго съ пивны чаши,
„А носнице у проклятаго бивъ валена стрѣла,
„А туловье у проклятаго будто куча сѣнна — не-
смѣтная“.

Говоритъ тутъ старшій казакъ да Илья Муромецъ:

„Ай-же ты, сильное Иваннище, Игнатъевъ сынъ!
„Ты садись-ко на матушку сыру землю,
„Разувай-ко лапотки изъ семи шелковъ,
„Ты снимай-ко подсумки изъ лѣта бурхата,
„Вынимай-ко шляпу земли Греція,
„Скидывай ты гуню Сороцинскую,
„Одѣвай-ко мое платье дорожное“.

Онъ отвѣчать ему, стару казаку да Ильѣ Мурому.

„Какъ добромъ тѣ не дати, такъ ты силомъ возьмешь,
„Силомъ возьмешь, да мнѣ-ка горбъ надмѣшь“.

Садился на матушку сыру землю,
Снималъ онъ шляпу земли Греція,
Скидывалъ онъ гуню Сороцинскую,
Одѣвалъ онъ платье Ильюшино—дорожное.
Скорымъ-наскоро Ильюша одѣвается,
Покрутѣшенько Ильюша снаряжается,
Обувалъ Ильюшинна лапотники семи шелковъ,
Въ которыхъ лапотникахъ вплачено
По камешку по яхонту,
По яхонту по самоцвѣтному,
Не для-ради красн-басы убожества,
А ради укряпы богатырской—молодеческой,

Чтобы днемъ идти краснымъ солнышкомъ,
А ночьюъ идти видно свѣтлымъ мѣсяцемъ.
Справлялся Илюша во дороженьку,
Покрутенъко да снаряжается;
Измалъ Ильюша дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ безъ единого;
Пошелъ Юльюша, пробирается,
Только мать земелька подгибается;
Скоро скажется, по успѣху дѣло дѣется:
Это будетъ Илья да у Цара-града
У Царя града у Иеросолима,
У той стѣны у городовой.
Закричалъ Юльюшенька въ полголоса,
Во Цари-гради новы дома пошатилися,
А старыя то дома разсыпалися,
А бережя кобылы жеребилися,
Брюхаты бабы розродилися;
На Божьихъ церквахъ чудны кресты повривилися.
Проклятое чудовище у палаты грановитыя
Ужаснулся да чудъ обмалтался,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Ай-же ты, царь Василій Суровливичъ да Боголюблевичъ!
„Выходи-тко на крылечко на царское,
„Закричи ты царь да зычнымъ голосомъ;
„Како у ты во Цари-гради уродище уродуетъ,
„Ты зови его къ себѣ въ палату грановитую,
„Чтобы шелъ онъ въ палату грановитую,
„Во ту гриню во столовую,
„Чтобы поклонъ-то клалъ по ученому,
„Крестъ клалъ онъ по писаному,
„Кланялся на всѣ четыре стороны,
„Царю со царицей понизешеньку
„А твоимъ гостямъ—любимымъ въ особину“.
Тутъ выходилъ царь на крылечко на пиреное,
Закричалъ тутъ царь да зычнымъ голосомъ:
„Ахъ же ты, калыка переходжаа!

„Ты поди ко мнѣ во покои во царскіи,
„Крестъ кладай по писаному,
„Поклонъ веди да по ученому,
„Клонись на всѣ четыре стѣорны,
„Царю съ царицей понизещеньку,
„Могъ гостямъ любимымъ въ особину“.

Того-то шишь калпка израдогалася,
Скакаль калпка черезъ стѣну городовую,
Черезъ тотъ-то тынь черезъ булатный,
Шель калпка скорымъ-пѣскоро
На ты спи на царскіи,
Во ту палату грановитую,
Во ту во грѣдню во сголовую.
Ужъ онъ крестъ кладалъ да по писаному,
Покломи велъ да по ученому,
Клонится на всѣ на четыре на стѣорны,
А царю съ царицею въ особину,
А проклятому чудовищу челомъ не бьетъ.
Это тутъ проклятому не слюбилось,
Онъ вѣдь сталъ калпку выспрашивать,
Сталъ калпку вывѣдывать:

„Ай-же ты калпка шишь переходая!

„Ты коей земли, да ты коей орды,

„Коего отца да коей матушки“.

„Я со матушки да со Святой Руси,

„Со Святой Руси да съ богатой орды“.

„Видалъ ли ты шишь калпка переходая,

„Видалъ ли ты да Илью Муромца;

„Какъ у васъ на матушки на Святой Руси

„Есть Илья у васъ Муромецъ,

„Онъ у васъ, говорятъ, силенъ есть“.

Отвѣчать шишь-калка не съ упадкою:

„Голосомъ п волосомъ п возрастомъ

„Вудто братецъ мой;

„Ужъ я платица ношу его обдержечки,

„А сапожки ношу его оптопточки,

„А шляпу ношу его да рваную“.

Говорить ему проклятое Идолщице:

„По много ли онъ хлѣба къ выти бушаетъ?“

„А калачъ да булочка ему на два дня“.

Говорить тутъ сильное проклятое Идолщице:

„Ай же, есть опъ мнѣ не силенъ, какъ я есть силенъ;

„Ѣмъ семь печей калачей

„Да сорокъ мякушечекъ;

„По бочкѣ выпиваю я пива пьянаго,

„А по лебедю я сразу закусываю“.

Говорить тутъ шпшъ калпка переходная,

Отвѣчаетъ онъ калпка не съ упадкою:

„Какъ у насъ-то есть да на Святой Руси,

„Какъ у нашего у батюшка коровнице обжорное

„По много къ выти ѣла, ѣла—треснула“.

Ему эти рѣчи не слюбился,

Схватилъ опъ проклятой булатный ножъ,

Какъ бросилъ онъ проклятой въ Илью Муромца.

Какъ тутъ-то Юльюшп смерть не писана,

Увернулся-то Илья за правую за липнику,

Пролетѣлъ булатный ножъ на сѣни да на царскіи,

Какъ приблизилъ онъ поганыхъ Татаровей!

Какъ схватилъ Илья одного за правую за ноженьку,

А другаго схватилъ за правую за рученьку,

Какъ началъ тутъ Юльюшнѣшка помахивать,

Куды махнетъ, туды улнца,

Отмахнетъ куды, переулочекъ;

Приблизилъ тутъ проклятыхъ Татаровей,

Не оставилъ опъ проклятыхъ на сѣмена;

Завнималъ онъ дубинку подорожную,

Пришелъ-то онъ во грѣдню во столовую,

Ударилъ онъ Идолщице да между уши,

Покатилась головнице, какъ пивной котель,

Полетѣли глазища быдто селезни,

И поплыли по Волхову.

Понесло его тушу сѣнную—несмѣтную.
Тутъ ему проклятому славы поконъ.

(Записано А. Николаевскимъ, въ приходѣ Кулгага, Филимоновой волости, отъ крестьянина Щербакова).

3 1).

Во стольномъ городѣ во Киевѣ;
У ласкова князя у Владиміра,
Заводился у него почестень пиръ
На многихъ на князей на бояръ,
На русскихъ могучихъ богатырей;
Вси князя—вси бѣара со двора да соѣзжали,
Среди-то поченьки да темной,
Пріѣхалъ-то Татаринъ поганой,
Ко тому ль то князю ко Владиміру,
Ко Владиміру князю ко Солнышку.
Зашелъ онъ въ палаты княженецкіи,
Ѣрлечекъ на столъ да выкладывалъ,
На тотъ ли столъ да на дубовой,
На ту ль доску да на позлаченную;
Самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Солнышко Владиміръ, князь столенно-Киевскій!
„Прибери-тко вси дворы да княженецкіи,
„Очисти-тко палаты богатырскіи,
„Обмети-тко ты улицы стрѣлецкіи—
„Въѣхать Канну-собакѣ поганому
„Во столенный градъ во Киевъ.
Пріѣхалъ Каннъ-собака поганой
Ко той рѣкѣ ко Смородины,
Ко этому камень ко Латырю,
Ко тому ли дубу то ко шіроку,
И привезъ сорокъ королей, королевичей,

1) Соответствующій этому пересказъ, записанный со словъ того же сказателя, но не полный и съ нимъ окончаніемъ, находится въ сборникѣ Рыбникова, I, 118 — 119.

Привезъ сорокъ царей, сорокъ царевнчей;
У королей, у королевичей слы е по тысящи,
У царей, у царевичей по сту тысящъ.
Приказалъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій,
Зазвонить-то во било колокольное,
Штобы собрались вси русскіи могучіи богатыри
Ко Солнышку князю ко Владиміру
На широкій дворъ и въ полаты княженецкіи.
Ужаснулось сердечко у Солнышка у князя у Владиміра,
Говорить да онъ могучимъ богатырямъ:
„Былъ-то Татаринъ поганый среди ночи темны
„Во палатахъ княженецкіихъ;
„Ёрничекъ на столъ да онъ выкидывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту ли доску да золоченую,
„И самъ на словахъ да выговаривалъ:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно Кіевскій!
„Пріѣхалъ Татаринъ поганый ко Солнышку князю Владиміру,
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Ты очисти-тко дворы да княженецкіи,
„И полаты богатырскіи,
„И омети улицы стрѣлецкіи.
„Пріѣхалъ Капнъ-собака поганой,
„Ко той рѣки да ко Смородиной,
„Ко тому ль ко камению ко Латырю,
„И ко тому ли дубу да ко широку;
„И привелъ онъ сорокъ королей и королевнчей.
„И сорокъ царей, сорокъ царевнчей;
„У королей и королевнчей слы е по цѣлой по тысящи,
„У царей и у царевнчей по сту тысящъ“.
И вси сидятъ русскіе могучіе богатыри,
Утулены очи ясны во каменный мостъ;
Только нѣтъ единаго стара казака Ильи Муромца
У Солнышка князя Владиміра;
Послать русскаго могучаго богатыря
Къ стару казаку Илью Муромцу,

дубовой волю-

кого же сказателя,
Ильи Рибникова, I.

Илью Муромцу, сыну Иваничу.
Пришелъ русскій могучій богатырь
Къ стару Ильѣ Муромцу,
Ильѣ Муромцу, свѣту Ивановичу,
Крестъ владеть онъ по писаному,
Поклонъ ведетъ онъ по ученому,
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется;
Стару казаку Плью Муромцу
Дѣлатъ онъ поклонъ да особенный.
„Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ!
„Пріѣхалъ-то Татаринъ поганый въ палаты княжецецкіи,
„И самъ ермечь-то на столъ да выкладывалъ,
„На тотъ ли столъ да на дубовый,
„На ту доску да золоченую;
„Самъ на словахъ да выговаривать:
„Прибери-тко ты вси двери да княжецецкіи,
„Очисти палаты богатырскіи,
„Омети улицы стрѣлцецкіи.
„И въѣхать Каину-собаки поганой
„Во столичный градъ во Кіевъ.
„Пріѣхалъ Татаринъ собака поганый
„Ко той рѣкѣ ко Смородиной,
„Ко тому ль то камени ко Латырю,
„Ко тому ль то дубу да ко шіроку,
„И привелъ сорокъ королей и королевичей,
„И привелъ сорокъ царей, сорокъ царевичей;
„У королей, у королевичей слы по цѣлой е по тысящи,
„У царей, у царевичей по стѣ тысящъ.
Проговоритъ старый казакъ Илья Муромецъ,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:
„Дай-ко ты, Солнышко Владиміръ князь,
Дай намъ врѣмени поддохнуть,
Не на много, не на мало на двѣнадцать дней;
Поѣхали во палаты богатырскіи
Русскіи могучіи богатыри;
Наспиали пшени бѣлояровой

Конямъ да богатырскимъ;
Они стоятъ—пшено ѣдятъ.
И проходятъ тому времени двѣнадцать дней.
Приходитъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Ко Солнышку князю ко Владиміру,
Дѣлаетъ поклонъ да о капиновъ мость,
Самъ Владиміру слово выговаривать:
„Ты Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій!
„Спусти-тко меня ко тѣмъ ли Татарамъ поганимъ“.
Прогдворилъ Солнышко Владиміръ, князь стольно-Кіевскій:
„Есть ты молодъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ,
„Отъ роду тебѣ всего семнадцать лѣтъ;
„Гдѣ же у тебя да родной батюшка?“
Воспроговоритъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
„Ушелъ-то мой родной батюшка
„Ко Ерману ко Сергію.
„Дай ты, Солнышко мнѣ Владиміръ князь,
„Прощеньцо п благословеньцо:
„Поѣду ко Татарамъ ко поганимъ;
„Дашь прощеньце—поѣду,
„И не дашь благословеньцо—поѣду,
„Стоять за стольный градъ да Кіевъ,
„За свое родное отечество,
„За свою ль за ту вѣру христіанскую“.
Приѣзжаетъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ
Ко зтымъ ко русскимъ богатырямъ
Во палатки богатырскіи.
Вся кони стоятъ п вси пшено ѣдятъ,
Все пшено ѣдятъ да бѣлоярово,
И спятъ русскіи могучіи богатыри.
Прогдворитъ младъ Ермакъ Тимофеевъ сынъ:
„Ай же ты, старый казакъ Илья Муромецъ,
„Илья Муромецъ, сынъ Пвановичъ!
„И не честь спятъ русскимъ могучимъ богатырямъ,
„Надо ѣхать ко тымъ Татарамъ ко поганимъ.
Прогдворитъ старой казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ:

„Ай же ты младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ!

„Есть ты юноша младый,

„Отъ роду тебѣ семнадцать лѣтъ;

„И выстань ко ты во широкъ дубъ,

„И посмотри-тко на Татаръ да на поганыхъ:

„Много ль нагнано Татаръ поганыхъ?“

Опустился младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

Со этого со дуба со широка;

Проговорить стару казаку Ильѣ Муромцу,

Ильѣ Муромцу, сыну Ивановичу:

„Только нагнано Татаръ поганыхъ—

„Сѣрому волку въ день не ѡскакать;

„И черному ворону въ день не ѡблетать,

„И не честь русскимъ могучимъ богатырямъ,

„Надо ѣхать ко Татарамъ ко поганымъ“.

И поѣхалъ младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

На этое на поле на чистое.

Ко этимъ Татарамъ ко поганымъ.

Всталъ старый казакъ Илья Муромецъ,

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,

Отъ этого отъ сна да богатырскаго;

И всталъ онъ да во широкъ дубъ,

И посмотрѣлъ да ко той рѣки да ко Смородиной,

И ко тому ль ко каменю ко Латырю,

Ко тому ль дубу да ко широку;

Посмотрѣлъ то во трубу подзорную

На поле на чистое.

И только нагнано Татаръ поганыхъ—

И сѣрому волку въ день не ѡскакать,

И черному ворону въ день не ѡблетать;

И младъ Ермакъ Тимоѣевъ сынъ

И ѣздитъ на томъ ли конѣ въ богатырскомъ

По этому то полю по чистому,

И плеточкой кони богатырскаго понуживаетъ,

И палицей булатной погряваетъ.

И во поли чистомъ младъ Ермакъ Тимоеевъ сынъ,
Какъ на морѣ волна да колеблется,
Рубить Татаръ да поганыхъ.
Разгорѣлось у стараго казака Илья Муромца сердце бога-
тырское:

„Воротитесь, русскіи могучіи богатыри!
„Воротитесь во столичный градъ во Кіевъ!
„Поѣду одинъ во поле во чистое“.
Садился на коня богатырскаго
Старый казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Плеточкой коня богатырскаго понуживаетъ,
Палицей булатной погрываетъ;
Пріѣхалъ ко Татарамъ ко поганымъ на поле на чистое.
Стали рубить Татаръ поганыхъ—
Со этимъ со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ;
И прирубили Татаръ да поганыхъ
На этомъ на полѣ на чистомъ.
Возвратились они ко городу ко Кіеву,
Ко Солнышку князю ко Владиміру;
Зашли къ нему въ палаты княженецкіи;
Крестъ они кладываютъ по писаному,
Поклонъ ведутъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре на стороны поклоняются,
И Солнышку князю Владиміру да въ особину.
„Солнышко Владиміръ, князь столично-Кіевскій!
„Прирубили мы всѣхъ Татаръ поганыхъ,
„Со младымъ Ермакомъ Тимоеевичемъ,
„По родительскому прощенью,
„По Божьему благословенью“.
(Зап. М. Гурьевымъ отъ Шеголепкова).

Добрыня Никитичъ.

1 7).

Добрынюшка матушкѣ говаривалъ:
„Свѣтъ-государь — моя матушка,

7) См. въ изслѣдованіи О. Ѡ. Миллера стр. 497—498.

„Честна вдова Евфимья Александровна,
„Дай-ко мнѣ прощенье благословеньце,
„Ѣхать во далече, далече во чисто поле,
„Отвѣдать мнѣ плеча да богатырскаго
„Кривавить-бить мнѣ поганихъ Татаровей“.

Отвѣчаетъ ему свѣтъ его матушка,

Честна вдова Евфимья Александровна:

„Ай-же ты, мое да чадо милое,
„Молодой Добрынюшка Никитичень,
„Какъ бы родился ты сплюю въ Кострюка Демьяновича,
„А ухваткой въ стараго казака да Илью Муромца,
„А походочкой въ Чурилу Пленковича!“

„Ай свѣтъ, свѣтъ государь моя матушка,
„Ты на что меня Добрынюшку спородила,
„На что меня на бѣлой свѣтъ попустила,
„Спородила бы Добрыню бѣлымъ камешкомъ,
„Кинула бы камешокъ да въ синее море,
„Лежалъ бы Добрыня бѣлымъ камешкомъ въ синемъ мори“.

Туть-то его матушка расплакалась,

Давала прощеньце-благословеньце;

Туть Добрынюшка возрадовалъ;

Попелъ-то Добрыня на широкой дворъ,

Сѣдлалъ-то Добрынюшка добра коня,

Сивушка и бурушка косманнаго,

Застягивалъ двѣнадцатью подпругами,

Тринадцату натягивалъ продольную;

Туть-то пошелъ во свою палату грановитую,

Во честной вдовы ко Овфимья Александровнѣ,

Паль-то онъ во правую во ноженьку,

Самъ говорилъ таковы слова:

„Свѣтъ государь моя матушка,

„Честна вдова Овфимья Александровна,

„И въ томъ же молода Настасья Никулична!

„Если я не буду черезъ три года да изъ чиста поля,

„Такъ ты, жена моя боярыня, поди на всѣ четыре стороны,

„Только не ходи за моего за брата за названнаго;

„Тоть-то Олеша Пустохвастовичь—
„Пустимъ Олеша хвастаетъ,
„Небылицей онъ да похваляется;
„А поди хотъ за князя за боярина,
„Хотъ за сильнаго богатыря,
„Тутъ тебѣ да воля вольная“.

Выходилъ Добрынюшка Никитичень,
Со той со палаты грановития,
На свой-то на широкой дворъ,
Садился Добрынюшка на добра коня,—
Только видѣли молодца седучись,
Не видѣли удалаго поѣдучись;
Отъ того ли копыта лошаднаго,
Въ чистомъ полѣ будто столпъ стоитъ.
День-то за день, какъ ручей бѣжитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ рѣка течетъ.
Прошло того времечки три года,
Не видать-то Добрыни со чиста поля.
Сталъ тутъ Олешинька подхаживать,
Сталъ онъ Настасью подговаривать:

„Ты поди-ко, Настасья да Никульична,
„За меня за Олешеньку за мужество;
„Я вечеръ прѣѣхалъ изъ чиста поля,
„Видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйной головой лежитъ во раки товъ кустъ,
„Рѣзвыма ножками лежитъ онъ во Почай-рѣку“.

Она-то была женщина умная,
Исполнила заповѣдь мужнюю,
Положила заповѣдь женскую:
„Еще пройдетъ друго три-годы,
„Исполнится того времечки да вѣдь шесть годовъ,
„Потомъ-то я хотъ вдовой живи, хотъ за мужъ поди“.
День-то за день, какъ дождь дождитъ,
Недѣля за недѣлей, какъ ручей бѣжитъ,
Годъ-то за годъ, какъ рѣка течетъ.
Потомъ сталъ Олешинька подхаживать,

знач,

ри“.

и поля,
горны,
аго;

Сталъ Настасью онъ тутъ подговаривать:

„Если ты добромъ нейдешь, такъ я спломъ возау,
„Будеть у меня свать князь стольно-Кіевскій,
„Княгиня будетъ свахой Апраксія“.

Потомъ у нихъ начался почѣстной пиръ:

А Добрынюшка спитъ во чистомъ поли,
Во бѣломъ шатрѣ спитъ-прохлаждается,
Надъ собой невзгоды не начается.

Тутъ налетѣлъ воронъ-птица черная,
Сѣлъ онъ на сырой дубъ и сталъ кричать
Человѣчьимъ голосомъ:

„Какъ ты спишь, Добрынюшка Никитинечъ,

„Надъ собой-то ты невзгоды не вѣдаешь;

„Надъ тобой невзгода есть великая:

„Какъ твоя то молодà жена Настасья Никулична

„За мужъ пошла за твоего за брата названого

„За Олешеньку Поповича“.

Тутъ его конь-лошадь добрая

Сталъ копытомъ бить да о сыру землю,

Стала матушка сира земля подрагивать;

Отъ того отъ сна крѣпкаго

Добрынюшка пробуждается,

Выходитъ онъ съ шатра бѣлополотнаго,

Конь-лошадь добра

Человѣчьимъ языкомъ провѣщился:

„Ай же ты, Добрыня Никитинечъ!

„Ужъ ты спишь во шатрѣ да прохлаждаешься,

„Надъ собой невзгоды не начешься;

„Надъ тобой-то есть невзгодушка великая:

„Твоя-то молодà жена

„Молода жена Настасья Никулична,

„Она вѣдь пошла за мужество,

„За твоего за брата названого,

„За Олешиньку Поповича“.

Повернулся Добрыня крутешенько,

Одѣвался Добрыня скорешенько,

Снаряжался Добрыня со чиста поля,
Садился Добрыня на добра коня,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Ахъ-ты конь-лошадь добрая,
„Сюды ты везла ровно шесть годовъ,
„А отсель провези да ровно два часа“.

Какъ пошелъ конь да лошадь добрая,
Рѣки, озера перескакивалъ,
Мелкія источники межъ погъ пустякъ.
Своро скажется, по усивъхъ дѣло діется.
Проѣхалъ онъ Добрыня полтора часа;
Будеть онъ у своей палаты грановитня,
У того поселья богатырскаго,
Будеть онъ подъ окошечкомъ косивчатымъ,
Какъ сидитъ его родитель матушка,
Честна вдова Овфимья Александровна,
Подъ тымъ подъ косивчатымъ окошечкомъ.

„Ахъ ты, честна вдова Офимья Александровна,
„Дай же ты мнѣ милостывьку,
„Ради молодца Добрыни Никитича“.

„Ахъ вы, шипъ калики переходяи!
„Кабы былъ онъ Добрыня Никитичъ,
„Кабы былъ то онъ да во живностяхъ,
„На досугъ бы вамъ каликамъ насмѣхатися,
„Мной старухой спотыкаться“.
Какъ не досугъ Добрыни много разговаривать,
Снималъ онъ шляпу со головушекъ.

„Ахъ ты, родитель, моя матушка!
„Я не шипъ калика переходяя,
„Я есть молодой Добрыня Никитичъ“.
„Ахъ ты, шипъ калика переходяя!
„У мдего у Добрыни Никитича
„Есть на головушкѣ родимая знадебка“.

Какъ увидала старушка родну знадебку,
Какъ не вѣсть-то старушка взрадовалася,
Не звать старушка испугалася;

Побѣжала старушка къ воротамъ рѣшетчатымъ,
Какъ взидала свое-то чадо милое
За ручки за бѣлыи,
Цѣловала во уста во сахарнии.
Онъ говоритъ да такыи слова:

„Ахъ-ты родитель моя матушка,
„Что же ты меня встрѣчаешь,
„А не встрѣчаетъ молода жена,
„Настасья Никулишна“.

Тутъ старушка говоритъ такыи слова:
„Твоя-то молода жена, любимая семья,
„Настасья Никулична,
„За мужъ пошла за мѣлодца Олешеньку Поповича“.
Не досугъ долго разговаривать Добрыни Никитичу,
Самъ говорилъ онъ такыи слова:

„Ахъ-же ты родитель моя матушка,
„Честна вдова Овфимья Александровна,
„Поди-ко ты во новую во горенку,
„Возми-ко мое платье скomorошное,
„Возми-ко гусельца яровчатни,
„Возми мою дубинку подорожную,
„Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого“.

Взирала старушка во правую рученьку
Платье скomorошное,
Подъ правую подъ пазушку
Гусельца яровчатни,
Во лѣвую во рученьку брала дубинку подорожную,
Которая дубинка девяносто пудъ да безъ единого;
Принесла старушка Добрыни Никитичу.
Тутъ Добрынюшка одѣвался скорымъ наскоро,
Взиралъ онъ гусельца яровчатни,
Подъ правую подъ пазушку,
Взиралъ онъ дубинку подорожную
Во лѣвую во рученьку;
Пошелъ онъ улгами да переулгами,
Идетъ онъ на почестень парь,

Идетъ Добрыня по улпцамъ; увидали ребята
И стали говорить таковы слова:

„Идетъ тутъ не легка скоморошина,

„Идетъ тутъ Добрыня Никитпичъ,

„Идетъ опъ Добрыня на почестень прръ“.

„Ахъ вы ребята, не говорите про Добрыню Никитича,

„Ужъ я взадъ пойду, да вамъ валачь куплю“.

Пришелъ Добрыня во почестень прръ

Во ты палаты княженецкѣи,

Ужъ онъ крестъ кладеть да по писаному,

Поклонъ ведеть да по ученому,

Ужъ онъ клонится на всѣ четыре стороны,

Князю съ княгинею въ особину,

Честнымъ гостямъ любимымъ въ особину,

Самъ говоритъ таковы слова:

„Ай-же ты, царь стольно-Кіевскій,

„Дай-ко ты мнѣ мѣстечка немножечко,

„Дай-ты мнѣ мѣсто скоморошное“.

Потомъ говоритъ царь стольно-Кіевскій:

„Твое мѣсто скоморошное на запечья“.

Эта легка скоморошина—скакаль онъ на запечью,

И садился на печку муравлину;

Струну натягивать отъ Царя-града,

А другую направлять отъ Іеросалима,

Онъ пснн ведеть съ за снн моря.

Да какъ тутъ князь стольно-Кіевскій разслушался,

Эти ему пснн прилюбилъ;

Игра ему да приглянулася.

„Ай-же ты, легка скоморошина,

„Выходи-ко ты да изъ запечья,

„Не твое сидѣть мѣсто на запечья,

„Я дамъ тебѣ три мѣстечка:

„Первое мѣсто подай меня,

„Другое мѣсто супротивъ меня,

„А третье мѣсто, гдѣ тѣ любо есть“.

Тутъ говоритъ легка скоморошина:

„Дай-ко ты мпстечка не множечко,
„Позволь своимъ гостямъ любящимъ по раздвпнуться,
„Позволь мнѣ-ка стѣсть супротивъ князи, супротивъ кня-
жени“.

Тутъ садился лѣгка своморошина
На ту скамеечку дубовую.

„Ты позволь-ка, князь стольно-Кіевскій,
„Намъ съ княгиней да перелптся“.
Вѣсомъ чара полтора пуда,
Мѣрой чара полтора ведра,
Принималъ тутъ чару единойъ рукой
И выпивалъ Добрыня единымъ вздохомъ;
И ту жъ чару наливалъ онъ княгинѣ молодой,
Молодой Настасьѣ Милуличной;
Спускалъ онъ въ ту чару свой перстень вѣнчальный,
Съ которымъ они да обручались;
Подалъ онъ чару единойъ рукой,
Молодой Добрыня Никитинечъ,
Самъ говорилъ таковы слова:

„Ай же ты, молода Настасья Милулична,
„Бери-ко чару единойъ рукой,
„Выпивай-ко чару единымъ вздохомъ.
„Ужъ ты пьешь до дна, такъ увидишь добра,
„Ужъ не пьешь до дна, такъ не видишь добра“.

Принимала чару единойъ рукой,
Выпивала чару на единыйъ вздохъ,
Упдала въ чарѣ свой перстень вѣнчальный
Своего мужа Добрыни Никитича,
Сама говоритъ таковы слова:

„Не тотъ мой мужъ, кой подли меня,
„А тотъ мой мужъ, кой супротивъ меня—
„Молодой Добрыня Никитинечъ“.

Сама ставала на пожки на рѣзвыи,
Скакала чрезъ столы чрезъ дубовыи,
Черезъ тни ѣсцы сахарніи,
Черезъ тни пвтыя медвяныи,

ься,
ь кня-

Брала за ручки за бѣлыи,
Цѣловала въ уста во сахарнии.
Тутъ Добрыня Никитинечъ —
Его ли сердце разгорѣлося,
Самъ говоритъ таковы слова:
„Не дивую я разуму женскому,
„А дивую я уму княженецкому,
„Какъ отъ жива-то мужа да жену упелъ“.
Какъ взиималъ тутъ Добрыня Никитинечъ
Олешу Поповича
Взималъ онъ за желтыя кудри,
Бросилъ онъ его да о кипричной полъ,
Пихнулъ его подъ ж... проклятаго
Съ того-то со стыда со великаго;
Онъ клянется Олеша, проклинается:
Не всякому женидба удаается;
Удавалася женидба тремъ молодцамъ,
Спльнннмъ могучимъ богатырямъ,
Первому богатырю Ставру Годиновичу,
А другому Ильѣ Муромцу,
А третьему Добрыиѣ Никитьевичу.
Онѣ были три сестры,
Одна Настасья Микулчна.

(Запис. А. Николаевскимъ въ приходѣ Кургала, въ Филимоповой волости.)

2 1).

На славной на заставѣ на Московской
Стояло тамъ двѣнадцать богатырей.
Русскіи могучіи богатыри, полѣппцы удалыи!
„Кого мы пошлемъ, богатыри, во землю во Тальянскую?“
Проговорятъ богатыри да таково слово:
„Если послать Святогора богатыря,—
„Не кому стоять на заставѣ на Московской.
„Послать намъ Добрынюшку Никитича

1) См. въ изслѣдованіи О. Ф. Миллера, стр. 502.

„Во эту во землю во Тальянскую,

„Отъ короля да великаго,

„Великаго да отъ Литовскаго.

„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшка, ко этому подворью ко
вдовиному

„И къ честномужней вдови

„Афимья Александровнѣ,

„Попроси-тко ты, Добрынюшка, прощеньца-благосло-
веньца —

„И ѣхать во землю во Тальянскую“

Прѣзжаетъ Добрынюшка къ честномужней вдови,

Къ Афимья Александровнѣ;

И крестъ-отъ владеть онъ по писаному,

Поклонъ-отъ ведетъ да по ученому

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки поклоняется,

Честномужней вдови Афимья Александровнѣ

Дѣлатъ онъ поклонъ да въ особину.

„Честномужня вдова Афимья Александровна!

„Дай-ко ты мнѣ прощеньца, благословеньца

„ѣхать во землю во Тальянскую,

„Надо намъ биться да ратиться,

„И стоять-то за Кіевъ за стольный градъ,

„И за свое-ли то родное отечество,

„И за вѣру-то да христіанскую“.

И проговоритъ честномужня вдова Афимья Александровна:

„Узналъ-то Солнышко Владимиръ князь о твоей-то о храб-
рости,

„Когда ростила вдова да вѣдь несчастная

„Тебя да и Добрынюшку Никитича;

„Хочетъ разлучить Солнышко Владимиръ князь

„И русскіи могучіи богатыри;

„Видно, не кого послать въ землю во Тальянскую.

„Я знала бы тебя да вѣдь Добрынюшку—

„Я силой спородила бы тебя въ Святогора да богатыря,

„А смѣлостью спородила бы супротивъ

„Стара казака Ильи Муромца,

„Иль Муромца, сына Ивановича;
„Грамоты бы тебя повучила супротиво Олешеньки Поповича“.
Заходит онъ, Добрынюшка, въ конюшню богатырскую,
Береть ли себѣ коня да богатырскаго;
Надѣваетъ на коня-то онъ уздичу тесмяную,
И кладываетъ на коня-то онъ исподнички,
И на исподнички кладываетъ онъ войлочки
И на войлочек-то сѣдельшко,
Сѣдельшко да черкасское;
И застегиваетъ подпруги въ этомъ сѣдельшкѣ черкасскомъ
двѣнадцатеры—

Не для-ради красы, ради крѣпости;
Завязываетъ свизочки семи шелковъ—
Не для-ради красы, ради крѣпости.
И во этихъ стремянахъ булатныхъ
Были-то пряжечки серебряны,
И во пряжкахъ штылечки чиста золота;
И булатъ-то желѣзо не ржавлѣетъ,
Арабское золото не держится.
Осѣдлалъ-то Добрынюшка коня да богатырскаго.
И держитъ во умѣ, Добрыня, таково слово:
„Поѣхать-то надо мнѣ во землю во Тальянскую
„И надо тамъ мнѣ биться да ратиться,
„И стоять-то Добрынюшкѣ за столичный градъ за Кіевъ
„И за свое ли то родное отечество
„И за ту ли то за вѣру христіанскую,
„И повыбрать пошлпну за двѣнадцать лѣтъ
„Отъ того-то короля да отъ Литовскаго“.
Прогдворить честномужня жена Офимья Александровна
таково слово:

„Что же ты, Настасья Микулишна, не прощаешься
„Со своимъ-то мужемъ да законнымъ?
„И выбралъ его Солнышко Владиміръ князь,—
„Подписались русскіе могучіи богатыри
„И тни полѣвници удали“.
И стала Настасья Микулишна

На свои ль она да на рѣзвы ноги
И утупила свои очи ясны во каляновъ мость;
Идетъ-то по покоямъ бѣлодубнымъ,
И выходитъ на крыльцо-то на переное,
И опускается по лѣстницѣ паратной
И на свой-то на широкій, на бѣлый дворъ;
Приходить-то къ Добрыни Никитичу
И говоритъ-то она да таково слово:
„Ай же ты, мой мужъ да законный,
„Поѣдешь ты въ землю во Тальянскую!“
Прощалась тутъ Настасья Микулишна
Со своимъ мужемъ законнымъ,
Съ Добрынюшкой Никитичемъ.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же ты, моя жена законная, Настасья Микулишна!
„И ждите меня въ три года
„Со той земли да съ Итальянскойей.
„И пройдетъ тому времени три года—
„И ждите вы меня тогда шесть годовъ;
И пройдетъ тому времени шесть годовъ —
И ждите меня вы тогда девять лѣтъ;
И пройдетъ тому времени девять лѣтъ,—
И ждите меня да вы двѣнадцать лѣтъ;
И пройдетъ тому времени двѣнадцать лѣтъ —
И тутъ ты, Настасья Микулишна,
Хоть замужь поди, хоть вдовой живи;
Только не ходи за смѣлаго Олешу Поповича
За того ль за дѣвочья пасмѣшника
И за моего названнаго меньшаго братака“.
Тутъ садилса Добрынюшка на коня да богатырскаго,
Сталь да понуживать плеточкой шелковой
И помахивать сталь палицей булатной —
Палица булатная вѣсомъ сорока пудовъ.
И малыи рѣки конь богатырскій перемахиваль,
Озера-то онъ да перескакиваль;
Буди конь-то летитъ, туды ископытъ столбомъ стоятъ.

И поѣхалъ онъ изъ землѣ въ землю,
Изъ орды въ орду;
И съѣхалъ-то Добрыня къ королю въ Литву.
И началъ дѣлать онъ дѣло мѣденно:
И проходитъ тому времени три года—
И не видно Добрыни со чиста поля;
И проходитъ тому времени шесть годовъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени девять лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля;
Проходитъ тому времени двѣнадцать лѣтъ—
Не видно Добрыни со чиста поля.
И застучалось на томъ ли крыльцѣ да на переносѣ,
У того ли кольца да золоченаго,
У той ли палаты богатырской.
И проговоритъ честномужня жена Офимья Александровна
Севозь свои слезы да горючій:
„Какъ былъ бы Добрынюшка Никитичъ,
„И не дошло бы надсмѣяться надъ подворьяцемъ надъ вдо-
вничимъ“.

Отворила ворота да богатырскіи
Честномужня жена Офимья Александровна,
И пришло три калѣки-перехожнихъ;
Лапотки на ножкахъ семи шелковъ,
Котомочки за плечами бархатны;
Крестъ-отъ кладутъ да по писаному,
Поклонъ-отъ ведутъ да по ученому,
И на двѣ, и на три, и на четыре на сторонки поклоняются,
Честной мужней женѣ Офимѣ Александровнѣ
Они дѣлаютъ поклонъ да особенный.
Одинъ-тотъ проговоритъ волѣка-перехожній:
„Честномужня жена Офимья Александровна!
„Я и видѣлъ Добрыню во чистомъ полѣ
„Во той землѣ да во Тальянскоѣ,
„У того-ли то короля да у Литовскаго
„Твой Добрынюшка да въ услуженіи,

„Разъѣзжать Добрыня во чистомъ полѣ,
„Попуживаетъ коня плеточкой шелковой,
„Попгриваетъ палпцей булатной“.
Другой проговорить калѣка-перехожій:
„Я и видѣлъ Добрынюшку убитаго,
„Буйна головушка Добрынюшки разломана,
„Бѣлы грудюшки Добрынюшки распластаны,
„И конь богатырской—по колѣнъ въ крови,
„Растеть-то на Добрынюшкѣ травонька шелковая,
„Цвѣтуть-то вѣдь цвѣтки лазуревы“.
Опечалилась честномужняя жена Офимья Александровна,—
И вѣтъ-то Добрынюшки во живности!
Третій проговорить калѣка-перехожій:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Идешь ли ты да во супружество
„За этого Олешу за Поповича,
„И за того ль да ты дѣвочья насмѣшница?“
И просватала сама себя Настасья Мпкулишна.
И поѣхали они со этой палаты богатырской,
Со этими съ калѣками да перехожими.
Надо съѣхать имъ во землю во Смоленскую,
Бо этому Олешѣ ко Поповичу.
И среди-то ноченьки-то темны
Застучалось у крыльца да у переного,
У кольца да золоченаго,
И проговорятъ честна-мужняя вдова Офимья Александровна
И сквозь свои слезы горючіи да вдовинны:
„Какъ бы былъ мой Добрынюшка во живности,
„И не дошло бы насмѣяться надъ подворьяцемъ,
„И надъ подворьяцемъ да надъ вдовиннымъ!“
Отворила ворота богатырскіи
Той да палаты богатырской.
Приходитъ-то удалый добрый молодецъ незнакомый,—
Притомивши удалой добрый молодецъ;
И крестъ-отъ кладетъ онъ по писаному,
Поклонъ-отъ ведетъ онъ по ученому,

И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
Честномужней вдовѣ Офимьѣ Александровнѣ
Дѣлаеть поклонъ да онъ особенный.
Не узнала, видно, честномужняя вдова Офимья Александровна
Свое сына Добрынюшку Никитича.
Береть-то Добрынюшку за бѣлыи за рученьки,
За тыи ли за перстни за значенни,
Цѣлуетъ во уста да во сахарныи,
Выговаривать она да таково слово:

„Ай же, ты, Добрынюшка Никитичъ!

„Истомился ты удалый, добрый молодецъ,

„Во этой во дороженьки во широкой“.

„И спросить Добрыня таково слово:

„Честномужняя вдова Офимья Александровна!

„И гдѣ же моя законная жена Настасья Микулишна?“

Тутъ проговорить она да таково слово:

„Ай же ты, Добрынюшка Никитичъ!

„Просватала сама себя Настасья Микулишна

„За смѣлаго Олешу за Поповича,

„За того ли за дѣвочья насмѣшника,

„И за твоего за меньшого за братака.

„Проходить тому времени три денька,

„Какъ уѣхала Настасья Микулишна

„Со этой палаты богатырской“.

Заходитъ тутъ Добрынюшка во свой кабинетъ да богатырскій

И беретъ-то три златницы, три серебряныхъ:

И каждая златница стоитъ сто рублей,

Оборачивать коня да богатырскаго

Отъ своей-то палаты богатырской,

Какъ во эту путь да во дороженьку;

Плеточкой коня онъ попуживать

И палицей булатной Добрынюшка поигрывать,

Палицей булатной богатырской.

И призываетъ Добрынюшка во землю во Смоленскую

Во этому двору да богатырскому;

И заперты ворота богатырскіи

овна,—

андровна

и,—

На этотъ на шірокъ, на бѣлый дворъ;
Поставлены сторожа да тутъ вѣрныи
У этого Олешеньки Поповича
Ко этимъ воротамъ да богатырскимъ;
Не пропускать они ни коннаго, ни пѣшаго
На шірокъ на бѣлый дворъ
Ко этому Олешѣ ко Поповичу.
Проговорилъ Добрыня таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеши Поповича,
„Вы возьмите-ко съ меня—съ дѣтнушки да скомарешенька,
„По златницѣ вы, да по серебрянной—
„Каждая златница стоитъ сто рублевъ“.
И взяли эти слуги вѣрныи съ дѣтнушки скомарешенька
Двѣ златницы, двѣ серебряныхъ;
Отворили ворота да богатырскіи,
Привязали коня да къ золоту кольцу
На этомъ дворѣ да богатырскомъ;
И провели его дѣтнушку скомарешенька
Въ эту палату богатырскую
И ко этому столу да къ княженецкому.
Онъ крестъ кладетъ да по писаному,
Поклонъ ведетъ да по учепому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки покланяется,
И столу да княженецкому дѣлаетъ поклонъ да особенный;
И сядилъ дѣтнушка скомарешенекъ
На эту на печку на земляночку,
Выигрывать наигрыши хорошии,
Во эти да во гусельшка;
И перво разстояніе играетъ дѣтнушка скомарешенекъ
Отъ Кіева до земли Сорочинской,
Отъ Сорочинской, до Тальянской,
Отъ Тальянской до Царя-града,
Отъ Царя-града до Иерусалима.
Показались Настасѣ Микулшнѣ
Наигрыши хорошии.
Говорила тутъ она да таково слово:

„Ай же вы, слуги вѣрныи
„И подданы Олешпныи Поповча!
„Вы налейте-ко дѣтнушкѣ скомарешеньку
„Чару зелена вина
„Не малу, не большу—полтора ведра,
„Поднесите-тко дѣтнушкѣ скомарешеньку“.
Выпилъ дѣтнушка скомарешенекъ
Чару зелена вина,
Не малу, не большу—полтора ведра,
Проговорить дѣтнушка таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микулишна!
„Дай же ты мѣстичко сидѣть—
„Внигривать вынгрыши хорошии въ гусельникъ“.
Тутъ проговорить Настасья Микулишна:
„Ай же ты, дѣтнушка скомарешенекъ!
„Дамъ я тебѣ три мѣстичка
„И три любимыхъ
„Внигривать во гусельника вынгрыши хорошии:
„Первое мѣсто — подлѣ себя,
„Другое мѣсто — напротивъ себя,
„Третье мѣсто — сидѣть на печкѣ на земляночкѣ“.
И сѣлъ-то дѣтнушка скомарешенекъ
На эту на печку на земляночку.
И первое разстояніе играетъ дѣтнушка скомарешенекъ
Отъ Ерусалима до земли Тальянской,
Отъ Тальянской до Сорочинской,
Отъ Сорочинской до Царя-града,
Отъ Царя-града онъ до Кіева.
Показались эти вынгрыши
Настасѣ Микулишнѣ хорошии.
Проговорить дѣтнушка скомарешенекъ да таково слово:
„Ай же вы, слуги вѣрныи Олеша Поповича,
„И дайте-ко мнѣ графинъ во моп во бѣлыи руки
„И стаканъ да во моп руки“.
И налилъ дѣтнушка скомарешенекъ чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,

И спустить два перстня обручныхъ,
Одинъ перстень — Добрынюшкѣ Никитича,
Другой перстень — Настасьѣ Микულიшной,
Эти перстни обручальныи.
Полносить дѣтинушка чару зелена вина
И не малу, не большу—полтора ведра
Настасьѣ онъ да Микულიшной,
Самъ проговоритъ ей да таково слово:
„Ай же ты, Настасья Микულიшна!
„Ты пей чару до дна, увидишь добра,
Не пьешь чару до дна — ты не видишь добра“.
Она выпила чару зелена вина
Не малу, не большу — полтора ведра,
И на днѣ — два перстня обручныхъ,
Одинъ перстень — Добрынюшкѣ Никитича,
Другой перстень — Настасьѣ Микულიшной.
Она встала изъ-за этого стола да съ за овольнаго
На свой-то она на рѣзвы ноги,
Сама проговоритъ да таково слово:
„И не тотъ мой мужъ, что за столомъ сидитъ,
„А тотъ мой мужъ, что осередь избы стоитъ“.
Выходитъ изъ-за стола да княженецкаго
Береть-то дѣтинушку скомарешенька,
Добрынюшку Никитича
За эти за бѣлки за рученьки,
За эти за перстни за злечени,
Цѣлуетъ во уста да во сахарни.
Всталъ Олешинька Поповъ-то сынъ
И всталъ на свои да на рѣзвы ноги:
„Ай же вы, мои гости званни,
„Ай же вы, мои да гости бранни!
„И всякъ кто удалой добрый молодецъ поженится,
„И не всякому добру мѣлодцу
„Женитьба удавается“.
И только Олешинька Поповъ сынъ женатъ бывалъ.

(Запис. М. Гурьевичъ отъ Щеголенкова).

Дунайъ Ивановичъ ¹⁾.

Во сто́льномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова князя у Владиміра
Заводился пированьце — почестень пиръ
На многихъ на князей — на бояръ;
На русскыхъ могучихъ богатырей.
Прогдворить Солнышко Владиміръ князь сто́льно-Кіевской:
„Знаете-ли, русскіи могучіи богатыри,
„Княжнѹ во супружество взять,
„Было бы съ кимъ вѣкъ коротать и съ кимъ княжество дер-
жать?“

И прогдворилъ Добрыня таково слово:

„Ты Солнышко Владиміръ князь!
„Есть у короля храбра три дочери:
„Первая дочь Опракса королевична,
„Вторая дочь — Настасья королевична,
„Третья дочь — невдорость“.

Скажетъ князь Владиміръ сто́льно-Кіевскій:

„Поѣзжай-ко ты, Добрынюшко, ко королю въ Литву,
„Посватай-ко Опраксу королевичну
„За Солнышка князя за Владиміра.

Испрогдворилъ Добрыня таково слово:

„Не честь молодцу вѣхать русскому богатырю единому,
„Другаго надо русскаго змогучаго богатыря!“

„Выбрай себѣ, Добрынюшко, по разуму“.

„Поѣдемъ-ко Дунай, сынъ Ивановичь!“

И сѣли на коней да богатырскіихъ;

Буды ископытъ летить,

Туды дымъ столбомъ стаетъ.

Видѣли богатыревь посадучись.

И скакали кони съ горы на гору,

¹⁾ Единственный пересказъ, въ которомъ соединяются оба эпические эпизода, связанные съ именемъ Дунай — женитьба Владиміра и смерть Настасьи королевичны.

Перемахивали съ холмы на холмы,

И ѣхали они пзъ землй въ землю,

Изъ ордѣ въ ордѣ.

И пріѣхали они къ королю въ Литву,

Пріѣхали они на королевскій дворъ:

Проговорилъ Добрыня таково слово:

„Каравулько ты, Дунай сынъ Ивановичь,

„Лошадей да богатырскіихъ

„Отъ этнихъ Татаръ да отъ поганыхъ“.

Зашелъ Добрыня въ покоп королевскіи

И дѣлалъ поклонъ королю въ особину,

И утупилъ-то очи ясны во каппновъ мость.

И проговоритъ король земли Литовской:

„Ай же ты, Добрынюшка, не по старому ль, не по презнему,

„И пріѣхалъ къ королю въ Литву во служеніе?“

Проговорилъ Добрыня таково слово:

„Пріѣхалъ я, король земли Литовской,

„Посватать у тебя Опраксы королевичны,

„За Солнышка князя за Владимира“.

Проговоритъ король земли Литовской:

„Садись-ко ты, Добрынюшка, съ дороженьки на широкъ

стулъ и поддохни“.

Проговорилъ Добрыня таково слово:

„Ай же ты, король земли Литовской!

„Недосугъ послу сидѣть да разспивать;

„За то посла скоро жалуютъ!“

Приходитъ Татаринъ въ покоп королевскіи

И проговоритъ королю да таково слово:

„У тебя на дворіи Татаръ да мало ставится, проѣдается“.

И проговорилъ король земли Литовской:

„Ай же ты, Добрыня Никитичь!

„Не одинъ же ты пріѣхалъ къ королю храбрѣ Литовскому!

„Уйм-тко ты русскаго могучаго богатыря,

„Чтобы не рубилъ монхъ Татаръ поганыхъ“.

Проговоритъ король земли Литовской таково слово:

„Поѣзжай-ко ты ко городу ко Киеву, Добрынюшко!

„Отдамъ я Опраксу Королевичу за Солнышка князя за
Владимира.

Прощались русскіи могучіи богатыри—
Добрынюшка Никитичъ и Дунай сынъ Ивановичъ,
И на этоемъ дворѣ да королевскомъ.
Поѣхалъ Добрынюшка во городу ко Киеву
И къ тому князю ко Владимиру.
Остался Дунай, сынъ Ивановичъ,
У короля храбра у Литовскаго.
Были оны во почестномъ во гостебницѣ у Настасы Короле-
вичны.

Прогдворитъ Дунай сынъ Ивановичъ, таково слово:

„Идешь ли ты за Дунаемъ Ивановича въ супружество?
Говорила Настасья Королевична: „Иду да во супружество“.

„Выйдемъ-ко, Дунай сынъ Ивановичъ,

„На это ли поле, да на широкое;

„Стрѣлай стрѣлочекъ да каленныхъ,

„Изъ этого изъ лука да изъ тугаго“.

Наладилъ размѣръ да на сто сажень,

Поставилъ кольцо да серебряное,

И во этомъ во полѣ широкоемъ;

Поставилъ ножичекъ булатный

Противо кольца да серебряна,

И стрѣлялъ эту стрѣлочку

Во это кольцо да серебряное

И во этотъ во ножичекъ булатный,

И разрубилъ эту стрѣлочку каленую:

Одна половина —другой не больше

И вѣсомъ не тяжелѣ.

И стрѣлила Настасья Королевична

Изъ этого изъ лука да изъ тугаго,

И попала во кольцо да во серебряное,

И попала въ этотъ ножичекъ булатный,

И разрубилъ эту стрѣлочку каленую,

Одна другой половины не больше,

И вѣсомъ она не тяжелѣ.

И проговори́ть Настасья Королевична:

„И не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,

„И стрѣлочкы да каленой

„Изъ этого пзъ луку да пзъ тугаго;

„И не попасть тебѣ въ кольцо да во серебряно,

„И не попасть тебѣ во ножичекъ булатней,

„И не разрубить тебѣ стрѣлочкы каленой“.

И наладился Дунай сынъ Ивановичъ

И стрѣлать-то стрѣлочкой каленою

Изъ этого пзъ луку да пзъ тугаго.

Онъ первый разъ стрѣлилъ, да не дострѣлилъ;

Онъ во второй разъ стрѣлилъ, да перестрѣлилъ;

И проговори́ть Настасья Королевна:

„Не стрѣлай-ко ты, Дунай сынъ Ивановичъ,

„Попадешь-де ты въ мои да во бѣлыя груди.

„И я тебѣ спорожу сына одинаго,

„И по колѣна-то ножки въ серебрѣ,

„И по локоточки да ручки въ золотѣ;

„Брови спорожу—ясна сокола

„И очи спорожу—краснымъ солнышкомъ,

„И на голови да мѣсяцъ свѣтлый“.

Онъ стрѣлилъ да Дунай сынъ Ивановичъ

Стрѣлочку да каленую;

Попала та Настасья Королевична

И во эти да во бѣлыя груди;

И пала Настасья Королевична о сыру землю.

И прослезился Дунай сынъ Ивановичъ.

Распотрошилъ онъ чрево дѣвичье,

И засѣялъ младенецъ, какъ выговаривала.

И проговори́лъ Дунай да сынъ Ивановичъ:

„И куды легла Настасья Королевична,

„И тутъ лягу, Дунай сынъ Ивановичъ“.

И отъ Настасьи Королевиной

И отъ сына Дунай сына Ивановича

И прошла тутъ Дунай рѣка.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ крестьянина Василія Щеголенкова).

Василій Вуслаевичъ (Дунай Ивановичъ).

Жилъ былъ молодецъ едипшеникъ,
Былъ-то онъ охочъ гулять, загуливать,
Долгіи вѣчеры прохаживать,
Осенніи поченьки проѣзживать,
По зеленымъ по затресьямъ погуливать,
Стрѣлять онъ сѣрошавныхъ утушекъ,
Удалыхъ добрыхъ селезневъ.
Женилъ добра молодца батюшко неволею,
И неволею да неохотою.
Приданого много—человѣкъ-отъ худой!
Куды пошлешь—оттуль жены не дождешься,
И дождешься—да не доспросишься,
И отвѣтъ-отъ подасть.
И тутъ молодецъ пораздумался:
И какъ мни-ка будетъ жить, поживать!
Дунай! Дунай! На столъ собирай!
Любимая пѣсня—ѣсть хочется!
Вечоръ ли я, добринькой молодецъ, не ужиналъ,
Утромъ всталъ—не позавтракалъ,
Схватился обѣдать—хлѣба нѣтъ.
Пошелъ молодецъ со своей земли,
Пошелъ молодецъ изъ орды въ орду.
Пришелъ молодецъ къ королю въ Литву.
Приходитъ молодецъ въ погон королевскіи
И спроситъ король земли Литовской;
Спроситъ король: „Какой молодецъ?“
Отвѣтъ держалъ удалый добрый молодецъ:
„Ай же ты, король земли Литовской!
„Есть я Василій де Вуслаевичъ.
„Возьми-тко ты меня, король земли Литовской, въ услуженіе“.
Отвѣтъ держалъ король земли Литовской:
„Возьму тебя, удалый добрый молодецъ,
„Василій да Вуслаевичъ!

„Вы возьмите съ меня депшекъ по сту рублевъ
„И ведите меня мимо королевниъ домъ,
„Послѣднее мнѣ съ нею проститися,
„Послѣдние съ ней да разставатися“.
Привели-то слуги вѣрнии короля Литовскаго
Противъ терема да королевина,
Крыкнулъ-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашель я, Василій Буслаевичъ, на царевъ кабакъ
„И выпилъ я чару зелена вина,
„Другую выпилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвушкой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрнии
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣзвыи,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыи,
„И завѣсли мнѣ очи ясныи,
„И поводить на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовой
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вынять сердце мнѣ со печенью“.
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрнии
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣзвыи,
„Развяжите ему да ручки бѣлыи
„И откройте ему очи ясныи;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную“.
Взяла эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этии во терема высокии,

„Вы возьмите съ меня денежекъ по сту рублей
„И ведите меня мимо королевниинъ домъ,
„Послѣднее мнѣ съ нею проститися,
„Послѣдние съ ней да разставатися“.
Привели-то слуги вѣрныи короля Литовскаго
Противъ терема да королевина,
Крыкнуль-то Василій Буслаевичъ громкимъ голосомъ:
„Прощай-ко ты, дочь да королевская!
„Зашель я, Василій Буслаевичъ, на царевъ кабакъ
„И выпилъ я чару зелена вина,
„Другую выпилъ я да похмѣльную,
„Я похвасталъ тобой да красной дѣвушкой.
„Услыхали тутъ слуги вѣрныи
„Короля да Литовскаго,
„Захватили-то меня добра молодца
„Василья да Буслаевича
„И сковали-то мнѣ да ножки рѣзвыи,
„И связали да мнѣ ручки бѣлыи,
„И завѣспли мнѣ очи ясныи,
„И поводятъ на поле на чистое,
„Къ той ли ко плахѣ дубовой
„Отрубить да буйну голову,
„Придать да смерть напрасную
„Вывяты сердце мнѣ со печенью“.
Говорила дочь королевская:
„Ай вы слуги вѣрныи
„Короля Литовскаго!
„Вы раскуйте ему да ножки рѣзвыи,
„Развяжите ему да ручки бѣлыи
„И откройте ему очи ясныи;
„И спустите Василья Буслаевича
„На волюшку его да на вольную“.
Взяла эта дочь-то королевская
Удалаго добраго молодца,
Василья да Буслаевича,
Во этии во терема высокии,

И сама на словахъ ему да выговаривать:

„Ай же ты, Василій да Буслаевичъ,

- „Удалый ты да добрый молодецъ!

„Не зайдѣ-тко ты больше на цервь кабакъ,

„И не выпей-ко ты больше чару зелена вина,

„И не выпей-ко другой похмѣльной,

„И не похвастанъ мной красной дѣвушкой“.

Прощалась эта дочь да королевская

И съ удалымъ добрымъ молодцемъ

Съ Васильемъ да Буслаевичемъ;

И со этихъ со теремовъ высокихъ,

Пошелъ-то удалый добрый молодецъ

Василій да Буслаевичъ

Отъ короля съ орды да отъ Литовскаго.

И пришло да тутъ ему три розстанъ,

Пришло да три любимыхъ:

Первая розстанъ — къ отцу, къ матери,

Другая розстанъ — къ роду-племеню,

Третья розстанъ — къ молодой жены.

Пораздумался удалый добрый молодецъ

Василій да Буслаевичъ:

Пойдти-то мнѣ, Василью да Буслаевичу,

Къ отцу, къ матери,

Отца, матери въ живыхъ не застать;

Пойдти-то мнѣ, добру молодцу, къ роду-племеню,

Роду-племеню меня да не спознать;

Пойду-то я, Василій Буслаевичъ,

И къ молодой да ко своей жены.

Пошелъ-то удалый добрый молодецъ

Изъ земли въ землю, отъ короля съ Литвы,

И пошелъ-то онъ да въ свою сторону

И пришелъ-то къ палаты бѣлокаменной,

И на улицѣ два юнчика похаживаютъ,

И спросить Василій Буслаевичъ

У этихъ у юнчиковъ у маленькихъ:

„Чьи же вы, юнчики маленькіи?“

„Ай же ты, нашъ родной дядюшка!
„И нѣтъ-то у насъ да родна батюшка,
„И есть у насъ да одна матушка“.
Спроситъ этотъ удалый добрый молодець:
„Гдѣ же вашъ да родной батюшка?“
Отвѣчали эти юнчки маленькіи:
„Ушелъ-то нашъ родной батюшка
„Къ королю въ Литву да въ услуженіе“.
„Ай вы, юнчки маленькіи!
„Скажите, подиже родной матушкѣ:
„И пришелъ-то вашъ родной батюшка,
„И стоитъ-то на улицѣ на широкой,
„У той ли у площадки у переноей“.
Она стала тутъ да молодà жена,
На пожки она стала да на рѣзвыи,
Утупила очи ясныя въ каляновъ мостъ,
Выходитъ на крыльцо да на переное,
Опускалась по ступенямъ да по крутынямъ
На эту ли на улицу на широку,
И говорила она да таково слово:
„Ай же ты, удалый добрый молодець,
„Васпій да Буслаевичъ!
„И находился ты, да пагулялся ты,
„И пришелъ назадъ къ молодой женѣ несчастной“.
И беретъ-то эта молодà жена несчастная,
За этии за рученьки за бѣлныи,
За этии за перстни за злачныи;
Цѣлуешь во уста до во сахарныи,
Проводитъ въ терема да во высокии;
И стали они тутъ да жить-поживать,
Добра наживать,
А лихо избивать.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова.)

Ставеръ Годиновичъ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласковаго князя у Владиміра,
У Владиміра, у князя, у Солнышка,
Заводился у него почестень пиръ,
На многихъ на князей, на бояръ,
И на русскіихъ могучихъ богатырей.
На всѣхъ полѣнцъ на удалыхъ, —
И всѣ на пирю и ситы, п пьяны, п веселы.
Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій
Похвастьвать самъ городомъ Кіевомъ,
Богатыри похвастьвали силою
Силою своею богатырскою.
Гости, купцы тутъ торговли
Похвастьвали они тутъ товарами,
Тыма ли товарами заморскими
И соболемъ заморскимъ,
Буницами заморскими.
Добрынюшка похвастьвалъ своимъ добрымъ конемъ,
Олешинька, Поповъ сынъ, похвастьвалъ
Своей да золотой казной, —
Есть у молодца да золотой казны безчетной;
А умный хвастьвалъ — отцемъ, матерью,
А не умный хвастьвалъ молодой женой.
Прогдворять богатыри такого слово:
„Ты, не умный удалый добрый молодець!
„Ты не хвастьвай своей да молодой женой“.
И вси богатыри его да обезчестили.
И крестьяна-мужички были пособраны, —
Богатыри крестьяна похвастьваютъ
Своима-ли то добрыма конюшками,
А не богаты-то крестьяна — малымъ дѣгушками.
И сидитъ-то младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ
И сидитъ-то онъ, ничѣмъ не хвастьваетъ.

Прогдворить Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій:

„Что же ты сидишь ничѣмъ не хвастаешь?

„Всѣ-то людишки похвастались“.

И прогдворить Ставеръ сынъ Годиповичъ:

„Есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра тридцать молодцовъ, портныхъ мастеровъ,

„Шьютъ-то они кафтанцы снова на ново,—

„Которой кафтанчикъ я день держу и другой проношу,

„И снесу эти кафтанцы на рыночекъ

„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,

„Возьму за нихъ цѣну полную.

„Есть еще Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій

„У Ставра да чѣмъ похвастати:

„Есть тридцать молодцовъ, чоботныхъ мастеровъ,

„Они шьютъ-то сапожки снова на ново,—

„Которы сапожки я день держу и другой проношу,

„И снесу эти сапожки на рыночекъ,

„Князьямъ, боярамъ — новы продамъ,

„Возьму-то за нихъ цѣну полную.

И прогдворить Ставеръ да таково слово:

„Солнышко Владимиръ князь да стольно-Кіевскій!

„Еще есть чѣмъ у Ставра да вѣдь похвастати,

„Есть у Ставра добры молодцы на дворѣ—да не старятся“.

Спроситъ Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій:

„Отчего же у тебя добры молодцы не старятся?“

Прогдворить Ставеръ сынъ Годиповичъ:

„Оттого-то у меня, добры-молодцы, не старятся:

„День-то придетъ — молодецъ со двора долой,

„А два да три — на дворъ домой.

„Еще есть чѣмъ у Ставра да похвастати,

„Солнышко Владимиръ князь стольно-Кіевскій!

„Золота казна да не держится,

„Малы денешки да не торчатся“.

Прогдворить Солнышко Владимиръ князь:

„Ай же ты, Ставеръ да Годиповичъ!

„Отчего же у тебя золота казна да не торщится,

евскій:

„Малы денежки не держатся?“
„Оттого-то у меня золота казна не торщится,
„И малы денежки не держатся;
„Была кобылица златылца,
„И дано за кобылицу пятьсотъ рублевъ,
„И носить жеребчиковъ хорошенькихъ,—
„Которы жеребчики получше,
„На тыхъ-то жеребчикахъ я самъ ѣзжу;
„Которы жеребчики похуже,
„И споню этихъ жеребчиковъ на рыночекъ,
„Князьямъ, боярамъ новы продамъ,
„И возьму-то за нихъ цѣну полную“.

героевъ,

ону,

вскій

Еще проговоритъ младъ Ставеръ сынъ Годиновичъ:

„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Еще есть у Ставра да чѣмъ похвастати.
„Молода жена Настасья Микულიшна
„Князей-то бояръ съ ума сведеть,
„Владимира вонъ повыведеть
„Изъ покоя княженецкаго“.

И эти слова Солнышку князю Владиміру да не казались.

Приказалъ-то Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій

Своимъ слугамъ вѣрнымъ:

„Ай же вы, мои слуги вѣрныи!
„Вы возмите-тко Ставра да Годиновича
„За его за хвастанья за великіи
„Засадите его въ погребы великіи“.

Шли тутъ слуги его вѣрныи

Во это во поле во широкое,

Копали да ему великую,

Засадили туда Ставра да Годиновича,

Засадили его да по бѣлымъ грудямъ

Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.

Написалъ-то Ставеръ сынъ Годиновичъ скорописчату грамотку

Къ молодой жены Настасьи Микულიшной:

„Ай же ты, Настасья Микულიшна!
„Засаженъ-то твой мужъ Ставеръ сынъ Годиновичъ

ратся“.

вій:

„У Солнышка князя Владиміра стольно-Кіевскаго
„Во этыи во поґребы глибокіи
„Не на много, не на мало — на тридцать лѣтъ.
Взяла Настасья Мнѣулшина
Обрубилa волоса да по казачьему,
И поѣхала она ко городу ко Кіеву,
Пріѣхала ко Солнышку князю ко Владиміру на вняжіи дворѣ;
Заходитъ она въ покои княженецкіи;
Она врестѣ владѣтъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
На двѣ, на три, на четыре стороны покланяется, —
И солнышку Князю Владиміру
Она дѣлаетъ поклонъ да въ особнѣ.
Проговоритъ Солнышку князю Владиміру:
„Посоль земли Турецкой!“
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь:
„Садись-ко ты съ дороженьки на дубовой стулѣ да поотдохни“.
И проговоритъ посоль земли Турецкой:
„Недосугъ сидѣть послу распяивать,
„За то посла скоро жалуютъ.
„Есть у ты племянница любимая
„У Солнышка князя у Владиміра;
„Отдай-ко ты да во супружество
„За зтого посла да за Турецкаго“.
Проговоритъ Солнышко Владиміръ князь да стольно-Кіевскій
„Мы подумаемъ да думу вѣрнѣкую,
„Мы скажемъ отвѣтъ тогда вамъ —
„Могу отдать, посоль земли Турецкой,
„За тебя да во супружество“.
Проговоритъ посоль земли Турецкой:
„Ты, Солнышко Владиміръ князь стольно-Кіевскій!
„Ты выпусти невольниковъ въз погребовъ великіихъ
„По своему да слову княженецкому“.
Приходитъ Ставеръ да сынъ Годиновиць
Ко послу да ко Турецкому;
Веретъ-то за рученьки за бѣли

Ставра сына Годипова,
За эти и за персти за злаченыи
Цѣлуеть во уста да во сахарныи
И этого Ставра да Гадиновича.
Благодарить-то посолъ земли Турецкой,
Пишетъ Солнышву Владимиру стольно-Кіевскому
Эпистолю: „Благодарю тебя, Солнышко Владимиръ князь,
„Выпустилъ невольничковъ пзъ погребовъ глубокіихъ;
„Не надо мнѣ племянницы любимой,
„А тотъ мой мужъ Ставеръ сынъ Годиповичъ,
„Тотъ мой мужъ законный“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ Щеголенкова.)

Дюкъ Степановичъ¹⁾.

Изъ Волинца города пзъ Галпча,
Изъ тоя Корелы пзъ богатыя
Снаряжается, убрается
Молодой бояринъ боярскій сынъ,
Дюкъ Степановичъ;
„Свѣтъ государыни матушка,
„Дай-ко ты прощенье и благословеньце.
„Вхать ко городу Кіеву,
„Ко ласкову князю ко Владимиру;
„Скажутъ—Кіевъ-градъ на горы стонть,
„А Владимиръ князь ласковъ есть,
„На приѣзди добрыхъ молодцевъ чествуеть,
„А на поизди дарить несчетной золотой казной“.
И поѣхалъ послѣ заутрини Христовскія,
А приѣзжаетъ ко обидни ко Христовскія
Въ Кіевъ-градъ, на широкъ дворъ,
И привязывать своею добра коня
Ко столбу ко точеному
И къ кольцу золоченому;

¹⁾ См. въ изслѣдованіи О. Ф. Миллера стр. 599 - 601 и 615.

дворъ;

длохнн“.

Кіевскій

И приходитъ во Божью церковь,
Онъ крѣсть-то кладеть по писаному,
Поклонъ-то веде по ученому.

Онъ кланяется-поклоняется
На всѣ на четыре стороны,
Князю Владимиру въ собору:

„Здравствуй, Солнышко Владимиръ стольно-Кіевскій!“

„Ты отколь, удалъ дородней, добрый молодець,

„Тебя какъ именемъ зовутъ,

„И какъ величаютъ по отечеству?“

„Я есть изъ Волицца-города, изъ Галича,

„Изъ тоя Корелы изъ богатня

„Молодой бояринъ боярской сынъ

„Дюкъ Степановичъ“.

„Пожалуй-ко, молодой бояринъ,

„Боярской сынъ

„Дюкъ Степановичъ,

„Ко мнѣ хлѣба-соли покушати“.

Приходитъ во грядню-палату бѣлокаменну,

Онъ крѣсть-то владе по писаному,

Поклонъ-то ведѣ по ученому.

Онъ кланяется, поклоняется

На всѣ на четыре-то стороны;

„Здравствуй, княгиня Апраксія!“

„Ты поди-ко, удалъ, дородній добрый молодець,

„Ты коей земли, коей орды?

„Какъ тебя именемъ зовутъ,

„Какъ величаютъ по отечеству?“

„Я есть изъ Волицца-города изъ Галича,

„Изъ тоя Корелы изъ богатня

„Молодой бояринъ боярской сынъ,

„Дюкъ Степановичъ“.

„Сядись-во ты, Дюкъ Степановичъ,

„Хлѣба-соли кушати“.

Всѣ силы князи и бояри

Хлѣба-соли кушати,

И взял молодой бояринъ
Дюкъ Степановичъ
Колачнѣ крупнчатой,
И увидалъ молодой бояринъ
Боярской сынъ
Дюкъ Степановичъ
Подъ колачникомъ сосновую иглочку.
„Здѣсь-то“, говоритъ, „видно помелча сосновнн,
„А какъ у моей-то родители-матушки
„Помялча-то шелковнн“.
И говоритъ тутъ Олеша Поповичъ
„Этоѣ, дядушка, дѣтннще-обманнще
У боярина уѣхалъ,
Коня угналъ“.
И говоритъ тутъ Чурила Шаполѣнковичъ:
„Что ты прѣхалъ, дѣтннще-обманнще,
„Своимъ животомъ хвастаешь,
„Да своей родитель-матушкой,—
„Ударимъ со мной о великѣ закладъ
„На три года:
„Чтобы въ каждый день носить платья переменнн“.
И ударили они о великѣ закладъ
Въ каждой день носить платья переменнн,
Щеголять во Киевѣ во городѣ;
И по Чурилы Шаполѣнковѣ
Ручается весь Киевъ-градъ,
А по Дюкѣ Степановичѣ
Нектѣ не ручается,
Только ручается
Старѣй казакъ, Илья Муромецъ,
Да молодой Добрыня Никитннецъ.
И посылаетъ молодой князь
Владимѣръ стѣльно-Киевской
Дюкова нѣвнѣя описывать,
И посылать Добрыню Микитннца:
„Поѣзжай, Добрыня Микитннецъ,

„И опиши пмѣніе Дюкова,
„И прикажи привести щеголять Дюку Степановичу
„Платья переменныи, на три годѣ,
„Каждой день перемѣнять“.
И поѣзжать Добрыня Никитинецъ
Ко Волыцу городу Галичу,
Ко той Корелѣ да богатня.
И прѣзжать Добрыня
Ко Дюку ко Степанову
На широкъ дворъ,
И привязывать своево коня доброва
Ко столбу ко точену
И въ кольцо золочену;
Идетъ въ палату бѣлокаменну;
Встрѣтилась ему
Дюкова портомойница;
И говоритъ Добрыня:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Да нѣтъ“, говоритъ,
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова портомойница“.
Опять встрѣчается ему
Дюкова постельница;
И говоритъ Добрыня Микитинецъ:
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова постельница“;
Еще подходитъ Добрыня Микитинецъ,
Встрѣчается ему Дюкова стольница,
„Здравствуй, Дюкова матушка!“
„Я не Дюкова матушка,
„А Дюкова стольница“.
И приходитъ Добрыня Микитинецъ
Во гридни столовни,
Онъ крѣсть-то кладѣ по писаному,
Поклонъ-то ведѣ по ученому,

Кланяется-поклоняется

На всѣ на четыре стороны:

„Здравствуй-ко, Дюкова матушка!“

„Ты поди-ко, удалъ да дородній доброй молодець,

„Ты откуль ѣдешь,

„Откуль путь держишь?“

„Я отъ города отъ Кіева,

„Отъ ласкова князя отъ Владиміра;

„Твой-то молодой Дюкъ Степановичъ

„Ударилъ о великъ закладъ

„Съ Чурилой Шапошёнковымъ—

„На три года въ каждой день

„Носить платъя перемѣнны,

„И захвастался онъ своимъ богатствомъ несчетнымъ;

„И приказалъ мнѣ князь

„Владиміръ стольно-Кіевской

„Описать ваше имѣніе“.

И говоритъ тутъ Дюкова матушка:

„Ай вы, вѣрныи мои служаночьки,

„Возмите-тко коромыселко жегъзное

„И положите-тко на коромыселко

„Золоты ключи,

„И ведите-тко Добрыню Микитица

„Во погребы глубокіи,

„Покажите Дюково имѣніе“.

И прошель Добрыня Микитинець

По погребамъ глубокимъ,

И написалъ онъ

Три строчьки значенихъ:

„Три года жпть —

„Имѣнія описывать,

„Да не описать Дюкова имѣнія“.

И приказалъ Дюковой матушки

Вести Дюку платъя перемѣнны

Ко Кіеву ко городу,

И привезли платъя перемѣнны

Во Кіевъ градъ,
И стали щеголять
Съ Чурилой Шаполенковымъ
И въ каждый день
Все платя лучше
У Дюки Степанова.
И прошло того времени три года,
И сошли они платя Христовскія —
Идти ко заутренн Христовскія,
И отходятъ они отъ заутренн Христовскія,
И глядитъ Князь Владиміръ стольно-Кіевской
На платя на Чурилы,
И говоритъ Владиміръ князь:
„Ну, Чурила Шаполенковичъ,
„Платя были у Дюки Степанова
„Лучше твоихъ,
„А топерь, якъ ты перещеголялъ
„Дюка Степанова,—
„Платя твои лучше Дюки Степанова“.
И поглядитъ на платя на Дюковы,
И говоритъ Владиміръ стольно-Кіевской...
И повелъ Дюкъ Степановичъ
По своимъ по пуговкамъ золоченымъ,
На пуговкахъ были написаны змѣи лютыи,
И засвистали змѣи лютыи
На тѣхъ пуговкахъ злоченныхъ,
И говоритъ князь Владиміръ стольно-Кіевской:
„Нечего бы тебѣ, Чурила Шаполенковичъ,
„Соваться и бить съ Дюкомъ о великъ закладъ,
„Въ каждой день тебя
„Дюкъ Степановичъ перещеголивалъ“.
Это Чурилы пришло не по сердцу,
И говоритъ Чурила Шаполенковичъ:
„Ударимъ-ко еще о великъ закладъ —
„Перескочить на коняхъ на добрыхъ
„Черезъ Днѣпру черезъ широкую,

„О своихъ головахъ-то о буйныхъ:
„Которой перескочить,
„Тотъ удалъ дородней доброй молодець,
„А кто не перескочить,
„Отсѣчь тому буйная гѣлова;
„Будеть ходить по бѣлу свѣту, шататся
„И хвастаться своей удачей молодецкою“.
И поѣхалъ Дюкъ Степановичъ
Черезъ Днѣпру черезъ широкую
На своёмъ на кони добромъ,
И перескочилъ его конь доброй
Черезъ Днѣпру черезъ широкую.
И поѣхалъ вслѣдъ Чурилы Шаполенковичъ,
Упогрузъ его конь доброй
Осередь Днѣпры широкия,
Съ Чурилой Шаполенковымъ.
И видятъ Дюкъ Степановичъ,
Что потонетъ Чурилы Шаполенковичъ
Осередь Днѣпры широкия,
И скочилъ Дюкъ Степановичъ
Назадъ черезъ Днѣпру черезъ широкую
И вытащилъ Чурилу со добрымъ конемъ.
И говоритъ Дюкъ Степановичъ:
„Теперь надо отсичъ тебѣ
„Буйна гѣлова“.
И стали Дюка спрашивать всѣмъ Кіевомъ.
„Ну пусть ты, Чурилы Шаполенковичъ,
„Упрошешъ всѣмъ Кіевомъ,
„Я тебѣ по бѣлу свѣту
„Второй батюшко“.

(Записано со словъ Пудожскаго уѣзда, Кугонаволоцкой волости, прихода
Водлозерско-Пречистенскаго, деревни Большой Поги 75-лѣтняго крестьяни-
на Ивана Григорьева Захарова, священникомъ Іоанномъ Первцевымъ).

Объ Иванѣ Грозномъ.

Когда грозный царь Иванъ Васильевичъ
Воцарился, тогда солнышко на небѣ возсіяло;
Тогда рыбы всё на глубь ушли;
Тогда звѣри сбѣжали въ лѣса темны,
И ми сидѣли да ѣли по конецъ поляца,
И ѣли да шли по конецъ столца,
И снарядилъ ли то грозный князь Иванъ Васильевичъ,
И снарядилъ ли то войско подъ Казань-городъ.
И стояло войско подъ Казань-городомъ,
И не много не мало—семь годовъ.
И проговорилъ пучкаръ таково слово:
„Ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Позволь слово сказать да слово вымолвить;
„И подкопать бы намъ подкопы глубоки,
„Подъ эти стѣны городови;
„И начинить бы намъ бочки зельемъ лютымъ;
„И мы не зельемъ чинили—чернымъ порохомъ;
„И зажгать бы намъ свѣчи восковыя
„Во эти руки во бѣлыи,
„За эти за стѣны за дубовыи“.
Во рукахъ-то свѣщи да они ясно горять,
А за стѣнами свѣщи — они не ясно горять;
И проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ:
„Ай же ты, пучкаръ, да обманываешь“.
И проговорилъ пучкаръ да таково слово:
„Ай же ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„Во рукахъ то свѣщи да они ясно горять,
„А за стѣнами свѣщи — они не ясно горять“.
И не успѣлъ пучкаръ слова вымолвить,
И треснули башни треугольныи,
Разорвало стѣны городови,
Зашло войско во Казань-то городъ.
Повыссли знамена со Казань города,

Повинесли парфиду-то царскую
Съ за этого стола за окольнаго.
Тутъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
По свѣтлой ко свѣтлицѣ похаживаетъ,
Сапогъ о сапогъ поколачиваетъ,
Самъ говоритъ таково слово:

„Ай вы, русскіи могучіи богатыри,
„Ай же поленицы удали!
„Я повиведу измѣну съ каменной Москвы,
„И повиведу измѣну со Нова-города,
„И повиведу измѣну со Обскова и со Астрахани;
„И повинесь я знамена со Казань города,
„И повинесь я парфиду да царскую
„Съ за этого стола да съ за окольнаго“.

Тутъ проговорилъ грозный царь Иванъ Васильевичъ таково
слово:

„Садись-ко ты, Федоръ Ивановичъ,
„На этого коня богатырскаго,
„Поѣзжай-ко къ каменной Москвѣ ко великоей,
„Старихъ и малыхъ конемъ топчи,
„Русскихъ могучихъ богатырей саблей руби,—
„Не дѣлай измѣны въ каменной Москвѣ“.
И поѣхалъ Федоръ Ивановичъ
И той Москвой до великоей;
Старихъ и малыхъ конемъ не топталъ,
Русскихъ могучихъ богатырей саблей не рубилъ,—
Онъ дѣлалъ измѣну въ каменной Москвѣ.
И приѣзжаетъ Федоръ Ивановичъ
Ко тому ли двору да ко царскому,
Ко тому ли столу да ко княжескому;
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, четыре, на сторонки показывается,
Грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлать онъ поклонъ да въ особнцу.
Тутъ станетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ

На свои да на рѣзвы ноги
И самъ говорить таково слово:
„Вы, русскіи могучіи богатыри,
„Цоленцы да удалыи!
„Я повывель измѣну съ каменной Москвы,
„И повывель измѣну съ Нова-города,
„И повывель измѣну со Обскова,
„И повывель измѣну со Астраханн,
„И повывель знамена со Казань города,
„И повывель порфида-то царскую
„Съ за этого стола съ закольнаго“.
И вси молчать русскіи могучіи богатыри,
И проговорятъ таково слово:
„Грозный царь Иванъ Васильевичъ!
„Твоя-то измѣна за столомъ сидитъ,
„И твоя-то измѣна на тебѣ глядитъ“.
Сталь-то грозный царь Иванъ Васильевичъ
На свои да на рѣзвы ноги,
Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потапюшка Курлатовъ сынъ!
„Ставай-ко ты на ноженьки на рѣзвыи,
„Бери-тко ты Федора Ивановича
„За этии за рученьки за бѣлии,
„За этии за перстни злачении,
„И веди его на поле на чистое
„На ту ли то на плаху на дубовую,
„Отруби-ты ему буйну голову,
„И придай смерть ему напрасная,
„Выняй сердце со печенью“.
Меньшой тѣлится за середняго,
А середній тѣлится за большаго;
Говоритъ Потапюшка Курлатовъ сынъ:
„И видно мнѣ да ко судьби пришло“
И беретъ-то онъ Федора Ивановича
За этии за рученьки за бѣлии,
За этии за перстни злачении,

И поводить на поле на чистое,
На ту лп то на плаху дубовую,
И отрубить-то ему буйна голова,
И придать ему смерть напрасную,
Вынять сердце со печенью.
Взяла Настасья Романовна,
Надѣвала башмачьки на босѹ ногу,
Шубоньку соболину на одно плечо
И бѣжала къ стару казаку Никитѹ Романовичу;
Крестъ владеть по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому
И на двѣ, на три, на четыре на сторонки поклоняется,
Стару казаку Никитѹ Романовичу
Дѣлаеть поклонъ въ особину.
„Что же ты, старий казакъ, Никита Романовичъ,
„Бшь, да пешь—прокляждаешься,
„И надѣ намъ ты не свзгодушекъ не вѣдаешь;
„И нѣтъ у насъ сына любимаго Федора Ивановича
„И твоего крестника любимаго Федора Ивановича;
И взялъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„За эти за рученьки за бѣлки,
„За эти за перстни значеньи;
„Увелъ его на поле на чистое,
„На ту лп то на плаху на дубовую,
„И отрубилъ-то ему буйну голову
„И придалъ смерть напрасную,
„Вынялъ сердце со печенью“.
„Ай ты, Настасья Романовна!
„И долго, долго не пекало солнышко—двѣнадцать дѣтъ,
„И не бывала у стара казака Никиты Романовича“.
Станеть старий казакъ Никита Романовичъ,
Станеть на свои да на рѣзвы ноги
И надѣваетъ босовчѣки на босу ногу,
Сертукъ кладываетъ на одно плечо,
Колпакъ видалъ на одно ухо,
Садился на коня богатырскаго,

в сынъ!

Крыкнулъ онъ да во всю голову:
„Народъ, сторонитесь! Народъ, сторонитесь!
„Старихъ и малыхъ конемъ стопчу,
„И русскихъ могучихъ богатырей саблей срублю!“
И народъ сторонился, далъ улицу по Москвы по великой,
Далъ улицу широку и продолговату;
И выѣхалъ на поле на чистое
Старый казакъ Никита Романовичъ
И крикнулъ во всю голову:
„Ай же ты, Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„И съѣшь ты кусъ этотъ—подавишься,
„И выпьешь эту чару—ты захлѣбнешься“.
И пріѣхалъ старой казакъ Никита Романовичъ
Ко этой ко плахѣ дубовой,
И захватилъ-то Ѳедора Ивановича въ живности;
Выходитъ со коня да богатырскаго,
Захватилъ-то Малютченку Потанюшку за волосы
И бросилъ его о сирѣ землю,
О ту ли то плаху дубовую,
И придалъ смерть ему напрасную,
И вынулъ сердце со печенью.
Сегодня дѣется пятница великая —
Садился Ѳедоръ Ивановичъ
На этого коня да богатырскаго;
Поѣхалъ со поля со чистаго
Во эту палату богатырскую
Къ стару казаку Никитѣ Романовичу.
Завтра будетъ суббота Христовская.
Грозный царь Иванъ Васильевичъ
Разсылалъ-то офицеры по всѣмъ сторонамъ,
По своимъ слугамъ вѣрнымъ,
По своимъ слугамъ поданнымъ.
„Ай же вы, мои слуги вѣрнии,
„Ай же вы, мои слуги поданныи!
„Вы пойдете къ заутренѣ Христовской
„Во эту во церковь во Божию,

„Надѣвайте одежду распечальную;
„Нѣтъ у меня сына любимого Оедора Иваловпча,
„Вашъ-то Малютченко Потанюшка, Курлатовъ сынъ,
„Свелъ на поле на чистое на плаху дубовую,
„Отрубилъ буйну голову,
„Придалъ смерть напрасную,
„Выпялъ сердце со печенью“.

Пришли его слуги вѣрныи, слуги подданныи
Во эту церковь во Божію,
Надѣта одѣжда распечальная;
И пошолъ старій казакъ Никита Романовичъ
Во эту во церковь въ Божію,
Надѣлъ одѣжу самолучшую;
И приходить во церковь во Божію,
Крестъ кладетъ по писаному,
Поклонъ ведетъ по ученому,
И на двѣ, на три, четыре на сторонки поклоняется,
И грозному царю Ивану Васильевичу
Дѣлаетъ поклонъ ему въ особину.
„Ты, грозный царь Ивапъ Васильевичъ,
„И здравствуй-ко ты со моеи сестрой,
„И со своей семьей,
„И со тымъ ли со яснымъ соколомъ,
„Со Оедоромъ Ивановичемъ“.

Какъ взглянетъ Грозный царь Иванъ Васильевичъ
На стара казака Никиту Романовича
И самъ прогѣворить ему да таково слово:
„Какъ былъ бы ты, старій казакъ Никита Романовичъ,
„Былъ бы ты не въ церкви не въ Божіей,
„Я не далъ бы собакѣ на часъ живота“.
Прогѣворить старой казакъ Никита Романовичъ:
„Живетъ ли-то грѣшному прощеньцо,
„Живетъ ли-то грѣшному благословеньцо?“
„И я простилъ бы да иского,
„Я помпловалъ бы, да негдѣ взять“.
Повернется старій казакъ Никита Романовичъ

Со церкви со Божіей
И въ свою-то налату богатырскую
И говоритъ-то Федору Ивановичу:
„Ай же, ты, Федоръ Ивановичь!
„Ставай-ко ты по утру ранёшенько,
„Умывайся-тко ты бѣлешенько,
„Утирайся-тко ты, да суохонько;
„Я досталъ ли у грознаго царя Ивана Васильевича
„Прощеньцо п благословеньцо“.
Сталъ-то Федоръ Ивановичъ по утрышку ранёшенько,
Умывался онъ бѣлешенко,
Утирался онъ суохонько
И убирался онъ хорошохонько;
Пошли они во церковь во Божію
Къ этой заутрени Христовской;
Крестъ-отъ кладутъ они по писаному,
Поклонъ кладутъ они по учепому;
На двѣ, на три, четыре на сторонки поклоняются,
Грозному царю Ивану Васильевичу во особину.
Прогдворилъ старой казакъ Никита Романовичъ:
„Здравствуй-ко со моеей сестрой и со своей семьей
„И со тнимъ ли со яснымъ со соколомъ,
„Со Федоромъ Ивановичемъ“.
Взглянетъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На стара казака Никиту Романовича,
Беретъ его за рученьки за бѣлыи,
За этни за перстни влачении,
И цѣлуетъ во уста да во сахарныи;
Самъ прогдворилъ да таково слово:
„Старой казакъ Никита Романовичъ!
„Чѣмъ тебя, намъ скажи, пожаловать —
„Городами ли тебя, пригородками,
„А ли сплюю тебя да богатырскою,
„А ли золотой тебя казной безчетной?“
И прогдворитъ старой казакъ Никита Романовичъ:
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ!

„Миѣ не надо городовъ съ пригородками,
„И не надо миѣ твоей силы богатырской,
„И не надо миѣ золотой твоей казны безчѣтной.
„Ай ты, грозный царь Иванъ Васильевичъ,
„У меня того своего есть;
„Миѣ пожалуй-ко наскори Никитину отчину, —
„И кто какой грѣхъ сдѣлаеть,
• „И кто во Никитину отчину уйдетъ,
„Того Богъ проститъ“.
И пожаловалъ грозный царь Иванъ Васильевичъ
На скори Никитину отчину.
(Запис. Гурьевымъ отъ Вас. Щеголенкова).

II.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ¹⁾.

Іоаннъ златые уста.

На первой недѣлѣ въ Воскресенье,
На шестой недѣлѣ въ Вознесенье
Вознесетъ Господь на небеса
Съ ангелами
И со архангелами
И со всею силой со небесной.
И восплачетъ его меньшая братья:
„Ай ты, Господи, Господи и Царь небесный!
„И куда же ты летаешь
„И меньшу свою братю оставляешь?
„И помреть твоя меньшая братья
„Голодною смертию—холодною“.
Речеть Господь: „Іоанне!

¹⁾ Сообщены Е. В. Барсовымъ.

„Оставлю я своей меньшей братья
„Горы золотыи;
„Будеть меньшая братья
„Между собою подимети
„И меня, Господа Бога, величати“.

Речеть Иоаннъ:

„Господи, Господи!
„Оставишь ты своей меньшей братья
„Горы золотны,—
„Отымутъ люди богатны,
„Отымутъ судьи неправедны,
„И помретъ твоя меньшая братья
„Голодною смертию—холодною“.

Речеть Иоаннъ ко Господу:

„Господи, Господи, Царь небесный!
„Оставь ты своей меньшей братья
„Слово Христово:
„Будеть твоя меньшая братья
„По міру ходити
„И тебя, Господа Бога, величати“.

Оставилъ Господь меньшей братья
Слово Христово.

Речеть Господь:

„За твои умилньны рѣчи
„Дарую тебѣ усты златны“.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

Убогій Лазарь.

Жилъ во славъ богатый,
Онъ роскошны ясны ѣлъ и пилъ,
Дороги одежды одѣвалъ;
А убогой-то Лазарь
Лежитъ въ скорбности гною.
Выходитъ богатый онъ за ворота;
Закричатъ тутъ убогій Лазарь

Громкимъ голосомъ:

„Брате, мой милый! Богачъ человекъ!

„Христа-ради, брате, напои, накорми!

„Странное мое тѣло обуи и оди!“

Самъ плюнулъ богатый

И прочь отошелъ.

„Есть у меня братья получше тебя:

„Князи, бояре—друзья мои,

„Гости торговли—братья мои“.

Было у богатаго два лютыхъ пса,

По подстолю ходили,

Сроненныя крошечки собирали,

Къ убогому Лазарю сношвали, —

Тутъ тѣмъ Лазарь смѣтъ пребивалъ.

Молился Лазарь ко Господу:

„Прими мою грѣшную душненьку

„Къ Себѣ на хвалу!

„Этакъ моя душненька поцарствовала

„На бѣломъ свѣту“.

Услыхалъ Господь моленье его,

Праведное моленьице Лазарево.

Смыла съ небесъ ангеловъ

По него по душненьку по Лазареву.

Честно душненьку съ тѣла выняли;

Пеленали душненьку въ бѣлыя пелены,

Вознесли души къ Богу въ рай —

Къ святому Обрамію, къ Дмитрію.

Цѣлуетъ Обрамій сахарныя уста.

„Поди-ко ты, Лазарь, давно мы

„Тебя ждемъ;

„Уготовано тебѣ мѣстечко

„Въ пресвѣтломъ раю“.

Вънпори богатый въ полѣ гулялъ.

Не узрѣлъ богатый ни дому, ни дѣтей:

Нашла на богатаго Божья воля,

Божья-то волюшка, милость велика.

Высокія горницы огонь опахалъ,
Буйныя вѣтерки пепель разнесли,
Много скота, въ лѣсахъ звѣрье погибло.

Возмолился богатый ко Господу:

„Господи, прійми мою душненьку,

„Къ себѣ на хвалу.

„Этакъ моя душненька постранствовала,

„На ономъ свѣту“.

Услыхалъ Господь моленье его,

Ложное моленьице, неправедное.

Ссылае Господь святыхъ ангеловъ немилостивыхъ:

Не честно въ богатаго выняли душу;

Крюгамъ желѣзнымъ уста волокли;

Сверзили душненьку видьма высоко —

На ту колясницу, на огненную.

Вотъ тебя, богатый, свѣтъ рай!

Мучись ты, богатый, въ вѣкамъ.

Мучился богатый день до вечера;

Обозрѣлъ богатый брата своего

Убогаго Лазаря

Въ пресвѣтломъ раю.

Закричалъ тутъ богатый къ брату своему:

„О брате, мой милый! Убогой человекъ!

„Выступи, родимый, со свѣтла раю.

„Сходи-ко ты, брате, ко синю морю,

„Обмочи свой мизной персть:

„Загрози мон сахарны уста,

„Чтобы моей души не тошно было“.

„Сходилъ бы я, братецъ, ко синю морю,

„Но не моя есте волюшка,

„Есте Божія воля,

„Божья-то волюшка; милость велпка.

„А помнишь-ли, братецъ,

„Памятуешь ли,

„Какъ мы жили на бѣломъ свѣту?

„Втыпори братомъ ты меня не читаль,

„Ачнаго, жажднаго ты не напнталь;
„Въ темницѣ сѣдищаго ты не посѣщаль;
„Босаго, нагаго ты не одѣваль;
„Во гробѣ лежащаго ты не провожалъ.
„Втипорп, богатый, ты меня братомъ не читаль.
„Единая насъ матушка спородила,
„Не едину Господь участь снарядила!“
Что Господь далъ убогому Лазарю,
То мы славу поемъ.

Красная Алисафія Агапіевна.

Востари было градѣ во Іерусалимѣ:
Было три царства Рахрымскіе.
Первое царство—Садамъ городъ;
Другое царство—Садымское;
Третье царство—Рахрымское.
Говоритъ царица Рахрымская
Ко царю своему ко Рахрымскому:
„Не кручинься, царь, не печалуйся:
„Есть у насъ въ домѣ не милая счастье,
„Красная дѣвица Алисафія Агапіевна.
„Она вѣруеть во вѣру не нашу,
„Она вѣруеть въ вѣру христіанскую“.
Ужъ, какъ сталъ отецъ да обманывать и уговаривать:
„Красная Алисафія Агапіевна!
„Ты которую вѣру вѣруешь?
„Ты которому Богу молился?
„Мы туда тебя станемъ въ замужъ отдавать“.
Красная Алисафія Агапіевна срадовалася:
Во всю ночь она Богу молилася:
У ней вышты были, напечатаны
Святы ангелы, святы архангелы,
Пресвятая Мати Богородица.
Изъ утра стала дѣвица ранешенько
И умывала бѣлешенько.

Выходятъ дѣвица на широкій дворъ;
На дворѣ стоитъ карета черная,
И подпряжентъ жеребчикъ не ученый;
Посажентъ дѣтина молодой.

Красная Алпсафія Агапиевна догадалася,
Жалобнешенько порасплакалась:

„Не на то меня отецъ-мать спородили,
„Что во священскую вѣру въ замужъ отдать.
„Отдають меня къ люту змѣю:
„Ко лютому змѣю на съѣденіе,
„Ко пещерскому на прожреніе“.

Садилась Алпсафія Агапиевна въ карету черную;
Выѣзжалъ дѣтина ко снью морю
Ко великому.

Единая дѣвица оставалася;
Мало времени смшловалоса;
Наѣзжалъ тутъ Егорей на добромъ конѣ,
Говоритъ Егорей ко красавицѣ:

„Красная Алпсафія Агапиевна, поддержи коша
„За шелковъ поясъ,
„Хоть на малое время; я спажь усну;
„И посмотри на синее море;
„Когда синее море порасходится,
„Волна на морѣ сколыхается,
„И люта змѣя появляется,—
„Ты тогда меня отъ сна буди“.

Мало время смшловалоса,
Какъ синее море сколыхалоса,
Волна на морѣ порасходилася,
Люта змѣя идетъ очень сердитая.
Начала красная Алпсафія Агапиевна отъ сна будить
И не можетъ разбудить.

Покатились у ней горячи слезы
На бѣло лицо;
Отъ того онъ отъ сна восталъ.
И садился Егорей на добра коня;

Во праву руку беретъ свое копье
И приѣзжаетъ Егорей ко синю морю.
Идетъ змѣя очень сердитая,
И говоритъ змѣя громкимъ голосомъ:
„Есть у меня сегодня три головы—
„Двѣ головы человѣческія,
„А третья—лошадная“.
Началъ Егорей ей копьемъ колоть;
„Быть смирна ты, змѣя, какъ кротокъ смиренъ
„У крестьянина быть скотинна“.
И говоритъ Егорей красной Алисафіи Агапиевны
„Красная Алисафія Агапиевна, возьми свой шелковый поясъ,
„Положи змѣю на шелковъ поясъ
„И введи змѣю ко своему батюшкѣ,
„И говори своему батюшкѣ Агапиевичу—
„Пусть повѣруеть въ вѣру христіанскую;
„Пусть состроитъ три церкви соборныя,
„Соборныя, богомольныя.
„Первую церковь—Спаситель,
„Другую—Святитель,
„Третью—Егорію свѣту храброму“.
Она и повела змѣя ко своему батюшкѣ Агапію.
„Батюшко! Повѣруй въ вѣру христіанскую;
„Сострой три церкви, соборы богомольныя.
„Приѣзжалъ Егорей на добромъ конѣ;
„Началъ Егорей змѣю конемъ топтать,
„Конемъ топтать, змѣю копьемъ колоть,
„Онъ разсѣкъ змѣю на мелко часть,
„На мелко змѣеныши, веретенныши;
„Распустилъ змѣю онъ по всей земли,
„По всей земли, по всей Руси.

О Кирикѣ младенцѣ.

Ай же ты, Кирикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И мать твою Улиту!
И нашли этого Киррика младенца
У Максимиана царя во градѣ,
Во соборной церкви апостольской
Противъ Петра и Павла.
Читаетъ книгу Киррикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И стоитъ тутъ его мать Улита.
Приходятъ злы мученики царя Максимиана,
Говорили Киррику младенцу:
„Ай же ты, Киррикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твою Улиту!
„И ты повѣруй во вѣру нашу
„Поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ-то Киррикъ младенецъ:
„Ай же вы, злы мучители
„Царя Максимиана!
„И не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ.
„Какой отвѣтъ со перваго дни,
„Такой отвѣтъ и до послѣдняго дни“.
И взяли яты злы мучители
Киррика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И мать его Улиту,
Повели къ Максимиану царю ко мучителю.
Говорилъ Максимианъ царь:
„Ай ты, Киррикъ младенецъ
„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мати твою Улиту!
„Ты повѣруй въ вѣру нашу,
„И поклонись нашимъ богамъ-идоламъ“.
И говорилъ ли Киррикъ младенецъ
Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ:
„Ай ты, Максимианъ царь!

„Не повѣрую я въ вѣру вашу,
„И не поклонюсь я вашимъ богамъ-идоламъ;
„Какой отвѣтъ со перваго дня,
„Такой и до послѣдняго дня“.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите, мои злы мучители,
„Кирика младенца
„Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
„И мать его Улиту
„На водѣ топить“.
Кирикъ младенецъ на водѣ гоголемъ пловать,
Гоголемъ пловать—голова вверху,
И самъ стихи поетъ херувимскія;
Голосъ у него по архангельски.
Разъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
На того-ли Кирика младенца
Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,
И на мать его на Улиту.
„Ай же вы, мои злы мучители!
„Вы возьмите Кирика младенца
„Топоромъ рубить“.
И начали его злы мучители
Топоромъ рубить.
Во топорѣ всѣ лѣзья приломались,—
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоимъ стоимъ
Ничто ему святому не діялось,
И самъ пѣсни поетъ херувимскія,
Голосъ у него по архангельски.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,
Приказалъ своимъ злымъ мучителямъ:
„Вы возьмите Кирика младенца
„Въ колесѣ вертѣть“.
Онъ, Кирикъ младенецъ, стоимъ стоимъ,
Стоимъ стоимъ, самъ стихи поетъ херувимскія,
Голосъ у него по архангельски.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

Приказалъ ли своимъ злымъ мучителямъ:

„Идите-тко въ поле шпровое,

„Копайте яму глубокую —

„Глубинной-то яму до пяти сажень,

„Ширинной-то яму десяти сажень,

„И насыпайте въ эту яму великую

„Угля зрълаго.

„Поставьте на эти на угли на зръли котель желѣзный,

„Накладите туды селитры-олова,

„И раздуйте эти угли зръли

„Этими мѣхами да великими“.

Затряслась и мать-сыра земля на три поприща,

Ужаснулася мати его Улита

Этого реву котельнаго.

Говорилъ ли Кирикъ младенецъ:

„Мати моя Улита!

„Не устранись реву котельнаго,

„Господь Богъ насъ помилуетъ“.

И говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:

„Иди, Кирикъ младенецъ, въ котель желѣзный,

„Разварена тамъ селитра и олово

„Во томъ котлѣ да во желѣзномъ“.

И зашелъ-то Кирикъ младенецъ

Со матерью со Улитю,

И говорилъ-то Кирикъ младенецъ:

„Макимьянъ, царь-мучитель!“

Кирикъ младенецъ стоемъ стоить

Во томъ котлѣ да во желѣзномъ

И самъ стихи поеть херувимскіи,

И голось у него по архангельски.

Говорилъ ли Кирикъ младенецъ

Максимьяну царю:

„Ай же ты, Максимьянъ, царь-мучитель!

„Разварено у тебя въ томъ котлѣ селитра и олово,

„Какъ море да ледяное.“

„Ай ты, Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни свой персть по первому суставу
„Во этотъ котель желѣзный“.
Ушибло у Максимьяна царя
Персть по первому суставу.
Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель.
„Ай ты, Кирникъ младенецъ!
„Исцѣли персть—повѣрю въ вѣру вшую,
„Поклонюсь я Богу вашему
„Христу Распятому“.
И исцѣплъ персть Кирникъ младенецъ
У царя Максимьяна.
„Ай же въ, моп зли мучитель!
„Раздуйте угли пуще зрѣли
„Тыма ли мѣхамн величина“.
Говорить Максимьянъ, царь-мучитель.
„Иди, Кирникъ младенецъ,
„Во тотъ котель желѣзный,
„Пуще разварены салтра и олово“.
И вшелъ Кирникъ младенецъ,
Мать его Улпа
Во тотъ котель желѣзный.
Тамъ Кирникъ стоемъ стоптъ,
Стоемъ стоптъ, самъ стихи поеть,
Стихи поеть керувимскн.
Голось у него по архангельскн:
„Господь Богъ насъ помилуетъ!“
Говорить ли Кирникъ младенецъ:
„Максимьянъ, царь-мучитель!
„Пихни руку по первой по завивн
„Въ этотъ котель желѣзный.
„Какъ есть студеное море!“...
Пихнулъ Максимьянъ царь
Руку по первой по завивн
Въ этотъ котель желѣзный.
Отшибло руку у Максимьяна царя

По первой по завви.

Говорилъ ли Максимьянъ, царь-мучитель:

„Ай же ты, Кирикъ младенецъ,

„Трехгодный—безъ двухъ мѣсяцевъ,

„И мати твоя Улгу.

„Исцѣли руку мою по первой по завви, —

„И повѣрую я во ру вашу,

„И поклонюсь я въ вашему

„И Христу Распятому“.

Воздернулъ Кирикъ младенецъ

Руки свои на свою главу:

„Ай же ты, Господи, Господи!

„Исцѣли руку у Максимьяна мучителя

„По первой по завви,

„Онъ повѣруетъ въ вѣру нашу,

„Онъ поклонится Богу нашему,

„Христу Распятому“.

И исцѣлилъ руку по первой по завви.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель,

На того ли Кирика младенца

На мать его на Улгу.

„Ай же вы, мои злы мучители!

„Возьмите Кирика младенца

„И мать его Улгу,

„Ведите во поле широкое

„И пригвоздите ко дубу ко шпроку“.

И взяли эти злы мучители

Кирика младенца,

Трехгоднаго—безъ двухъ мѣсяцевъ,

И мать его Улгу,

Свели въ поле широкое

И пригвоздили ко дубу ко шпроку.

Онъ, Кирикъ младенецъ,

Стоемъ стоитъ, самъ стихи поетъ херувимскн,

Голосъ по архангельскн.

Возъяровался Максимьянъ, царь-мучитель:

„Возьмите, мои злы мучители,
„Вините Кирика младенца
„И мать его Улиту.
„И со этого дуба со шпрока,
„Кладите его да на широко поле,
„И разстрѣляйте его тѣло бѣлое,
„И сожгите его тѣло бѣлое
„На томъ огни на здращенмъ“.
И сожгали Кирика младенца
На томъ огни на здращенмъ.
Приказалъ Максимьянъ, царь-мучитель,
Спустить тѣло бѣлое на широко поле.
Онъ, Кирикъ младенецъ,
Стоемъ стоимъ, самъ стихи поетъ херувимскіи,
Голосъ у него по архангельскіи.
Речеть Господь: „Ай же ты, Кирикъ младенецъ,
„Претерпѣлъ ты муку великую;
„Что ты хочешь получить
„За эту за муку за великую?“
„Господи! Ничего я не хочу получить.
„Который рабъ меня вспомнить
„Дважды днемъ на молитвахъ,
„Сбавленъ пусть тотъ рабъ
„Отъ вѣчной муки.“—
И славить тебя, Кирика младенца
Во вѣки вѣковъ. Аминь.

(Запис. М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова).

III.

СВАДЕБНЫЕ ОБЫЧАИ И ПѢСНИ ВЪ ТОЛ-
ВУЙСКОЙ ВОЛОСТИ 1).

Свадьбы производятся просто—съ согласія жениха и невѣсты, которому и сами родители бываютъ не вольны сопротивляться. Начинаятъ такъ: холостой, подговоривъ дѣвицу, старается залогъ взять отъ нея—какую-либо дорогую вещь изъ ея приданаго; потомъ ѣдутъ свататься къ отцу и матери, ѣдутъ нѣсколько чело-вѣкъ. Сватовство бываетъ всегда поздно вечеромъ. На сватовствѣ угощаютъ сватовъ — первое — водкою, а главная принадлежность угощенія—приготавливаютъ яичницу на сковородѣ и сканые тонкіе пироги, вареные въ маслѣ на сковородѣ. Если доводится до того, чтобъ уговариваться о свадьбѣ, зажигаютъ свѣчку, молятся Богу, назначаютъ даревъ и на сватовствѣ сватовьямъ даютъ по поло-тенцу (богатые—еще по рубашкѣ), а свекрови посылаютъ сорочку въ подарокъ отъ невѣсты.

На другой день послѣ сватовства, невѣста какъ встанетъ, на-чинаетъ причитывать:

Я долго спала, невольна красна дѣвушка,
Сего утрушка Господняго,
Сплю до зорюшки раноутренной
И до бѣлаго до свѣтушка,
До выставу солнца краснаго.
Какъ сегодншнимъ Господнимъ долгимъ денечкомъ,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ столовъ да отъ дубовникъ,
Отъ страпѣюшан суетливой,
Пріотказана у желанныхъ родителей
Отъ самоварчикомъ золоченныхъ,

1) Описани крестьяниномъ И. А. Касьяновимъ; рассказъ его, сообщенный для изданія чл.-с. П. А. Гальтебрандтомъ, печатается здѣсь почти безъ всякихъ измѣненій.

Отъ кофейниковъ лужонныхъ,
Отъ разливу малихъ чашочекъ.
Какъ до этого Господня Божья утрушка
Я ставила самовары золоченые
И кофейнички лужонны,
И разливала малы чашечки,
И попла я гостей да приходящихъ.
Но сегодняшнимъ Господнимъ долгимъ утрушкомъ,
На весельи мои желанны родители
Избываютъ меня, бѣлой лебедушки.
Сего денечка Господняго
У моихъ да у желанныхъ родителей
Принаставлено къ столамъ да дубовымъ
И стряпушки-распорядчики,
И къ разливу малимъ чашечкамъ разнощички.
Вы послушайте, желанны родители,
Вы приставьте-тко совѣтныхъ милыхъ подружекъ,
За ключевой сходите водушкой—
Мнѣ размить да сего дня Господняго
Свое личушко бумажное ¹⁾.
Вы подите-тко, совѣтны милы подружки,
Ко крутому красну бережку
И почерните-тко ключевой свѣжей водушки,
И принесите-тко ко мнѣ, подневольной красной дѣвушки.
Что-то долго заходилися совѣтны милы подружки,
Застоялися съ остудничкомъ съ чужателемъ,
Со младымъ сыномъ отецкимъ разговорами занимаются.
Имъ сулить да младъ отецкой сынъ,
Сулить штофнку разуборпстаго,
Поголевой (?) парчи сулить да по парчовничку,
На млады головушки онъ ло розовой косыночки,
Во русня волосоньки онъ по алой сулить ленточки;
Онъ еще сулить, младъ отецкой сынъ,
На рѣзвыи ноженъки чулочни шелковыи

¹⁾ То есть, бѣлое какъ бумага.

СТОЛ-

вѣсти,
пытаться.
за залогъ
наго; по-
мо чело-
завоствѣ
щекность
е тонкіе
до того,
ты Богу,
по поло-
сорочку

нѣтъ, на-

нѣтъ для
нѣтъ рѣзкихъ

И башмачики козловыи.
А п вы, совѣтныи милыи подружки,
Не измою я лица бѣлаго
Сего дня Божья Господняго.
Манитѣ меня, совѣтныи милыи подружки,
И въ обманѣ да дѣло дѣлаете:
Вы берете отъ млада сына отецкаго
Изо многихъ чесныхъ дорогихъ подарочокъ—
Смѣты нѣту въ золотой казны безчотной—
Вы берете всякихъ сладкихъ напитокочокъ,
Сахарныхъ закусочокъ.
Нуны послю я васъ, совѣтныи милыи подружки,
Покажу я вамъ путь долинную дороженьку:
Ей, сходите-тко вы на Лодейно чисто полюшко,
На Лодейномъ на полюшки
Три подкопны колодца,
Тамъ срубочки да серебра,
Почерпущечки есть золочоны,—
И зачерните-тко ключевой свѣжей водушки.
Что-то долго совѣтныи милыи подружки заходилися,
Въ разстаняхъ вѣрно они да замѣшались,
Во гѣсахъ да заблудилися,
За перевозами они да зостоялися.
Нуны пришли совѣтныи милыи подружки
Со ключевой пришли они со водушкой:
Покажите-тко, совѣтныи милыи подружки,
Вы подайте-тко въ бѣлы мои ручушки
Ключевую свѣту водушку—
Миѣ измытъ да лицо бѣлое.
Манитѣ меня, совѣтныи милыи подружки,
Эта водушка мучоная,
Эта водушка брожная,
Не измою личика бѣлаго
Какъ по этому по чистому по полюшку,
Какъ ѣздитъ младъ отецкой сынъ
На своемъ да на добромъ конѣ;

Онъ во первомъ во колодецѣ
Напоялъ да коня добраго—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная.
Онъ во другомъ во колодецѣ
Помочилъ да плётку шолкову;
Онъ во третьемъ во колодецѣ
Самъ искушалъ ключевой воды.
Не взмою лица бѣлаго
Сего дня Божья Господняго
Этой водушкой мучоной,
Этой водушкой брожоной.
Вы сходите-тео, совѣтны милы подружки,
Хоть дальня путь шпрова дороженька
Ко славному ко Питеру,
Ко царю да въ зеленой садокъ;
Какъ у царя да въ зеленомъ саду
Три колодца подкопныхъ,
Въ нихъ срубочки серебряныи,
Почерпущечки въ нихъ да золоченыи,
И замочки положены окованыи,
Сторожа поставлены тамъ вѣрныи.
Доложитесь-ка, совѣтны милы подружки,—
У сторожовъ-то вы да вѣрныхъ
Почерпнуть вамъ ключевой да водушки.
Что вы долго заходилися, совѣтны милы подружки,
Въ ростанияхъ да замѣшались,
Во лѣсахъ да заблудилися,
И за перевозамы застоилися.
Подошли милы совѣтны подружки,
Подошли да со ключевой свѣжей водушкой.
Покажите-тео невольной красной дѣвушки;
Вы подайте-тео на бѣлы мои ручушки.
Маните меня, совѣтны милы подружки:
Все вѣдь водушка мучоная,
Все вѣдь водушка брожоная.

Тамъ-то ѣздила дочь царская
На своемъ ли на добромъ конѣ,
Прогуливалась она въ зеленомъ саду,
Въ первомъ колодцѣ напоила коня добраго,
Какъ во другомъ во колодцѣ
Помочила плетку шолкову,
И во третьемъ во колодецы
Сама пскушала ключевой воды—
Стала водушка мучоная,
Стала водушка брожоная;
Не измоу лица бѣлаго.
Нунь пошли я васъ, совѣтны милы подружка,
Я на Свирь да быстру рѣченьку.
На Свиря да быстрой рѣченьки
Бѣжить водушка быстрешенько,
Несеть водушку скорешенько:
Не мутится ключева вода.
Тутъ почерпните-тко ключевой свѣжей водушки,
Принесите-тко ко мнѣ, подвезольной красной дѣвушки,
Въ розстаняхъ да замѣшался,
Во лѣсахъ да заблудился,
За перевозами да застоялся.
Подошли, совѣтны милы подружки,
Со ключевой со свѣжосй водушкой:
Вы подайте-тко на бѣлы нуньче рученьки,
Я приму возму на бѣлы нуньче рученьки
Я свѣжую ключевую да водушку,
Я отъ мпленьнкъ совѣтннкъ мплкхъ подружокъ,
Измывать да буду бѣлое свое личушко;
Эта водушка да не мучоная,
Эта водушка не брожоная;
Притрудила васъ, совѣтннкъ мплкхъ подружекъ,
Ходячи по дальннкъ по сторонушкамъ.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
За ключевую да свѣжу воду.
Принеси-тко, совѣтны милы подружки,

Мнѣ разшивленос тонкое полотенишко —
Утирать да надо было личушко:
Было вышито на разшивленномъ полотенишкѣ
И цари да со царицами,
Короли да съ королевама,
И съ полками да государевыма,
И съ рускими со военными,
И съ угрѣвнымъ краснымъ солнышкомъ,
И со свѣтлымъ со мѣсяцемъ,
И со частыми со звѣздочками.
Благодарю я васъ, совѣтны милы подружки,
На разшивленномъ полотенишки.
Видно дѣвушки есть вышкольныи,
Видно дѣвушки ученыи
Есть при умныхъ желанныхъ родителей,
При разумной есть роды вы и племечки.

По вечеру невѣсту въ баню зовутъ; дѣвица отпираетъ дверь
и начинаетъ приплакивать говоря:

Отворись-ка, дверь дубовая,
Какъ по лѣтничкамъ булатнымъ;
По этимъ ли петелкамъ шелковымъ!
Мнѣ воздать поклонъ, невольной красной дѣвушки,
Старушкамъ стародревнимъ,
Старикамъ отдать почтениимъ:
Вы пожалуйста во теплу парну баенку,
Не чешитесь, ни побайдайтесь ¹⁾;
Ни про васъ да баня топлена,
И ни про васъ баня готовлена,
Ни про васъ да вода пошена:
Баня топлена, готовлена
Про совѣтну милу подружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Мнѣ вдовамъ благочестивимъ,
И солдаткамъ горегорькимъ:

¹⁾ Не почесывайтесь.

Вы пожалуйста во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь,
Ни про васъ-то баина топлена
Ни про гасъ да вода ношеная:
Баина топлена, готовлена
Про совѣтну милу подружку.
Мнѣ воздать поклонъ, души красной дѣвушки,
Ко печеньки кирпичной,
Ко большушкѣ-распорядчикѣ:
Вы пожалуйста во теплу парну баенку,
Ни чешитесь, ни побайдайтесь;
Ни про васъ то баина топлена,
Ни про васъ да вода ношена:
Баина топлена, готовлена
Про совѣтку милу подружку.
Нунь воздамъ поклонъ, душа да красна дѣвушка,
Въ полоненей разореной задней уголокъ,
Ко миленькой совѣтной моей подружки,
Къ подневольной души да красной дѣвушки.
А вы пожалуйста, совѣтна мила подружка,
Во теплую горную баенку,
Да во баеную умивашку.
Истопила я тебѣ теплу парную баенку,
Изготовила и износила
Ключевой тебѣ я подушки.
Ты послушай-ко, совѣтна мила подружка,
Я ни дровцами топила, ни полѣнцами,
Ни лучиной разжигала, ни сосновой.
Я ходила во три чистыя во полюшка,
Принимала я три деревца кипарисныхъ
И разсѣкала я на тридцать полѣнечокъ,
Истопила тебѣ теплу парну баенку,
Съ теплой парной вышла баенки
На прогулку, на широку на уличку, —
Какъ зазвонили колокольцы Питербургскіи,
И принаѣхалъ-то остудникъ, младъ отцовою сынъ,

Ко моей ли теплой парной ко баенки,
Онъ вѣдь здѣся-тъ со мною, доброе здоровьеце!
Тебѣ Богъ помочь, душа да красна дѣвица,
Ты пусти меня во теплую парну баенку.
Впереди своей совѣтной милой подружки.
Къ подневольной души да красной дѣвушки,
И за мною ты бери да золотої казны бесчетной
И честныхъ дорогихъ подарочекъ.
И ни на что да ни позарплась,
А и ты мпеленька совѣтна мила подружка,
Нуль пойдете-тео во теплу парну баенку,
Во мою ли да умываленку.
А и ты, миленька совѣтна мила подружка,
Ты проси нынче у родителей, у матушки
Ты шелкова парна вѣничка
И мыля съ умывальями;
Проси тазпчѣковъ теперь да золоченныхъ
И тонку бѣлую просите нынѣ рубашечку,
Хоть худеньку проси за перемывочку.
Воскормитель мой, родитель, сударь-батюшка,
Я спрошу тебя, невольна красна дѣвушка,
Промощены ль у тебя мѣстички дубовыи
Отъ крылечушка перскаго ко теплой парной баенки,
И ставлены ль у тебя столбики точеныи,
И положены ли у тебя говоздочки золоченыи,
Понавѣшены ль знавѣсточки шелковыи,
Поразосланы по мостамъ до по дубовымъ
Суконца одицовыи,
Чтобъ башмачки мои да ни грезвились,
Чулочки мои да ни марались;
Да и любимыхъ сердечныхъ повозничковъ ¹⁾
И вѣрныхъ сторожителей,
И надежныхъ провожателей,
Чтобы сберегли да мою волю-волюшку,

¹⁾ Провозничковъ.

Сего дня Господняго
Отъ остудничка, млада сына отецкаго.
Потомъ приходитъ невѣста съ бабыи:
Благодарю тебя, созѣтна мила подружка,
Что истопила теплу парную баенку:
Я измила свою вольную волюшку.
Благодарю я васъ, свѣтушки-братцы родимыи,
Что сберегли да мою вольную волюшку.
Уплетите-тко, совѣтны млы подружки,
Мою вольную волюшку.
Вы уплетите-тко мелко мою русую мою косыньку,
Заплетите-тко, совѣтны млы подружки,
Во мою русую во косыньку,
Въ корешокъ вилетите-тка саблю вострую,
А ополу косы вилетите мою косаньку
Круглое малое озерышко,
На конецъ вилетите моей русой косаньки
Востры ножички булатны
И накладите-то колючихъ булавочекъ.
Какъ сегодняшнимъ Господнимъ должимъ денечкомъ
Принаступится остудничкъ, младъ отецбой сынъ,
На мою то дорогу волю бажоную,
Расплетать-то станеть вольной волюшки,
Разрушать то станеть косоплеточекъ,
Онъ наколетъ ручки бѣлыи
И обрѣжетъ ручки бѣлыи
Во ножички булатныи;
До полу доидеть моей волюшки до круглой,
До малаго озерышка,
Приутупе въ кругло малое озерушко,
Призмочитъ свои цвѣтны платьца, —
Тутъ отступится отъ вольной моей волюшки,
Станеть по полу похаживать,
Ручкамъ бѣлымъ помахивать,
Станеть тряпочекъ попрашивать,
Бѣлыхъ ручушокъ завязывать,

Цвѣтно платьице изсушивать.

Позабудеть мою вольную волюшку,—

Пристанусь во своей воли бажоной,

У своихъ да у желанныхъ родителей.

Въ назначенный день съ обѣихъ сторонъ созываютъ родственниковъ и съѣзжаются къ невѣстѣ.

Съ поѣздомъ ѣдутъ къ невѣстѣ; дружки ѣдутъ впереди и приѣзжаютъ къ невѣстину дому прежде поѣзда, и поколотятся подъ окномъ: „Есть ли, есть ли въ семь домѣ живущемъ, во свѣтлой свѣтлицы, во столовой горницѣ княгини молодой батюшко родной *такой то?* Если спить, такъ пробудите; куда ушелъ, такъ поищите и къ намъ сюда его приведите. Здорова ли у васъ княгиня молодѣ? А нашъ молодой князь низко кланяется, а до княгини молодой добирается. Есть ли у вашей княгини молодой про нашего князя свѣтлая свѣтлицы, столовая горницы, столпки дубовые и стулочки кленовые, ложечки серебряныя, самоварки золоченые и кофейнички луженые, про копей конюшни, про шлею сараи, конякъ сѣна по ушей, а овса по хвосту?“ Отецъ невѣсты выходитъ и говоритъ: „Все найдется для васъ, будетъ точно въ самый разъ!“ Тогда дружкѣ подчиваютъ водкой съ закуской — пирогомъ и говорятъ въ отвѣтъ: „Наша княгиня молодѣ добра-здрави; князю молодому низко кланяется и всѣму княженецкому поѣзду“.

Потомъ дружки приѣзжаютъ съ поѣздомъ на отдѣльную квартиру и идутъ во второй разъ къ невѣстѣ на домъ; а тамъ, у невѣсты, избранъ староста и посаженъ за столъ. А тутъ дружки говорятъ: „А кто у васъ за столомъ сидитъ?“ Староста отвѣчаетъ: „Я избранъ красными дѣвушками и молодыми молодушками, хозяиномъ посаженъ и пополу заключенъ“. Тогда дружки подносятъ старостѣ водки; староста выпьетъ и самъ говоритъ: „А вы какъ могли въ нашъ домъ господской пройтти? У насъ были у воротъ приворотники, а у дверей придверники, а у крыльца были собаки самоѣдскія ¹⁾“. Отвѣчаютъ дружки: „А мы ѣхали путемъ-дорогою, дичины настрѣляли и кобелямъ подарили, а кобели насъ и пропустили; а придверниковъ и приворотниковъ да и столбниковъ зо-

¹⁾ Въ смыслѣ злыхъ, никого не пропускающихъ.

лотомъ и серебромъ подарилъ, и они насъ и пропустили". А староста говоритъ: „А у насъ княгиня молодой дома нѣтъ, уѣхала прогуливаться — ни знаемъ куда“. Дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой ѣздилъ прогуливаться по чистому полю, и она его увидала и весьма испугалась, и домой ворочалась: надо быть ей при домѣ“. Староста говоритъ: „А наша княгиня пріѣзжала домой и повернулась бѣлой колпичей и улетѣла“. Тогда дружки говорятъ: „А нашъ князь молодой въ это время ходилъ за охотою, стрѣлялъ гусей и бѣлыхъ лебедей и добирался до бѣлой колпичи; а наша княгиня молода услыхала громкой выстрѣлъ и весьма испугалась и домой ворочалась: должна она при домѣ быть“. Тогда староста говоритъ: „Когда вы много знаете, то можете ли знать морскую глубину и небесную вышину?“ Тогда дружки говорятъ: „Вы рѣчь выше ума начинаете, а Христу имя знаете ли?“ Тогда староста говоритъ: „Наша княгиня молода добра-здорова и при домѣ находится, князю молодому низко кланяется и даритъ васъ, дружекъ, вѣрныхъ служекъ!“ И подарятъ вѣх полотенцемъ и свяжутъ черезъ плечо, и такъ ходятъ. А потомъ ихъ приглашаютъ въ гости и садятъ за столъ и подчиваютъ — у кого что припасено.

Потомъ подводятъ невѣсту къ столу; тутъ она начинаетъ причитывать:

Пораздвиньтесь-ка, народъ да люди добрыи,
На двѣ, на три, на четыре на сторонушки,
Мнѣ пройти было, невольной красной дѣвушки,
Во почесной да большой уголь,
Ко столамъ да ко дубовымъ,
Ко гостямъ да незнакомымъ.
Что за дѣвушко во починомъ большомъ углу удивилоса?
Во родительскомъ во почостномъ во большомъ углу
Зима стоять да студеная,
Со крещенскими да морозами.
Подошло сюда да сине морюшко
Во почетный да во большой уголь,
Сине море стоять да со пристанями,
А пристань-то стоять да съ кораблями,

Съ полотняными стоятъ парусами,
Со товарами стоятъ да съ дорогами,
А за столомъ сидятъ распечены,
Честны гостюшки,
Со женами сидятъ да со молодцами,
Со дочерями сидятъ да со хорошинами.
Мни нельзя пройти-придвинуться
Что ль ко столычку мнѣ да ко дубовому;
Супротивъ мина, невольной красной дѣвушки,
Стоитъ стѣнушка городовая
И ледника съ лѣсомъ съ темнымъ:
Мни спросить надо, невольной красной дѣвушки,
У млада сына отцаго
И у разказа-свата большаго,
И у гостей да незнакомыхъ:
Вы куда, гости, поѣхали,
А вы что, гости, проѣдали;
Здѣсь нѣтъ праздничка Господняго,
Нѣтъ погостовъ здѣсь столбовныхъ,
Нѣту улцокъ рядовныхъ,
Нѣту лавочокъ торговыхъ,
Нѣту синяго здѣсь морюшка,
Нѣту пристаней у насъ да корабельныхъ,
Нѣтъ проливовъ съ синихъ морюшокъ.
Опознала я нынѣ-теперь да красна дѣвушка,—
Видно быть дѣлу неплохому.
Быть кружку да молодецкому,
Поѣду княженецкому,
Видно быть брѣдгамъ бояринамъ,
Видно быть князю молодому.
Я спрошу тебя, да млада отцакѣи сынъ:
Что стоитъ стѣна теперь да городовая,
А леднушка стоитъ да съ лѣсомъ темнымъ,
Восприемщичокъ крестовой стоитъ батюшка,
Восприемщицька крестова стоитъ матушка,
Ледника съ лѣсомъ темнымъ,

Со породушкой стоишь родовитой,
Со сестрицамъ стоять да со родными,
Со тетушками стоять да со братушками,—
Ты чѣмъ станешь дарить, младъ отецкой сынъ,
Породушку мою да родовитую?
Я скажу тебѣ, младъ отецкой сынъ,
Тебѣ чѣмъ да дарить надо:
Во первыхъ, дари, да младъ отецкой сынъ,
Родителя да батюшка,
И повторыхъ, дари родитель мою матушку:
А родителя дари-тко моего батюшка,
Тулупчикомъ дари ентовымъ,
А родитель мою матушку
Сапожками ты да вѣдь сафьянными,
А восприемщица крестоваго батюшка
Дорогимъ дари сукномъ да одицовымъ,
А крестовую мою матушку
Дари штофпчкомъ ты да разужористымъ,
Мою породушку всю даровитую
Дорогимъ ситцемъ да Бяппажескимъ,
А совѣтныхъ милыхъ поружокъ
Дари розовыми коспночкамъ.
То не то стѣнушка да поразстроится,
А и лединушка да пораздвинется,
Красна дѣвица къ дубову столу придвинется.
Вы пожалуйте подпосы золочены
И со хрустальными со свѣтлыми со рюмочками.
Ты возьми теперь, восприемщица, кресной батюшко,
Тѣ графини съ зеленымъ виномъ
И со сладкою со водочкой.
И наливай-ка ты, восприемщица, кресной батюшка,
Во хрустальни свѣтлы рюмочки;
Я буду подпивать, невольна красна дѣвушка,
Этихъ гостюшекъ незнакомныхъ:
Испей, выбушай пожалуйста
Малу чару зелена вина;

Обойди-ка мнѣ не можно,
А покориться мнѣ ни хочется
Тебѣ, князю именьтому,
Человѣку превеликому.
Становитесь нынѣ пожалуйста;
Встань на ножешки на развыи,
На саожки да на козловыи;
Изволь выкушать—пожаловать
Малу чару зелена-вина
Отъ княгинушки порчювоей:
Есть не горько зелено-вино,
Сладкимъ медкомъ поливано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
Расхорошая ты есть ягодничка,
Расхорошій, распріумной доброй молодець;
Твои желтыя кудерушка,
И по всякой волоспючки
По скатной по жемчужины,
Твои бровушки чорна соболя,
Твои очи ясна сокола,
Бѣлота въ лицѣ бѣла да снѣгу бѣлаго,
Красота была солнца краснаго;
Ты сплпшь—будто свѣща горить;
Твои рѣчушки да умешеньки,
Разговорушки твои да впселешеньки,
И походочка твоя да щепстлѣвая:
Подойди мнѣ ко разкызу-свату большому,
По суду вѣдь по Божьему —
Ко младу сыну отецкому:
Восприимщпкъ, кресной батюлко,
Тебѣ Богъ судить, разсказъ да самъ-большой,
Сватъ-разорптель ты краснымъ дѣвушкамъ,
Погубитель нашимъ вольнымъ-волюшкамъ;
Тебѣ Богъ судить, да разсказъ—большой сватъ;
А на полѣ бы росло у тебя да со метяпцею,
На гумнѣ да со торпцею,

А на дворѣ да стоить рогой не плодился бы.
Изволь выкупать и щипце да пожаловать
Малу чаду — молодцу
Отъ книжки — мени — в ручонной:
Есть не горькое у насъ да зелено вино,
На медку вино разожено,
Сахаромъ вино посыпаное.
Мой поклонъ да пощешенекъ,
Дубоваго стола гостницы,
Молодого князя брудгушка;
По суду да вѣдь по Божьему,
По младу сыну отцокму
Восприемна крестова прїѣдетъ матушка;
Стань на поженьки на рѣзвыи.
На чулочки на шелковѣи,
На башмачки на козловыи.
Изволь выкупать пинь пожаловать
Малу чарочку зелена вина:
Есть негорько зелено вино,
Слазкимъ медкомъ полпвано,
Бѣлымъ сахаромъ посыпано.
У крестовой моей матушки
У ней бровки черна соболя,
У ней очь ясна сокола,
Бѣлогушка сибѣжа бѣлаго.
Краса-баса солнца краснаго.
Походочка щенетливая,
Разговорущи учливыи,
Прирозумныхъ родителей,
Прихорошаго роду-племечка.
Восприемщица, крестовая матушка,
Быть заступушка по мнѣ да заборонушка
На остудушки на чужой на сторонушки.
Мой поклонъ да пощешенекъ
Всеми кружку нынѣ да молодецкому,
Всеми поѣзду нынѣ да княженецкому,

Брюдгамъ-то вамъ да вѣсть беремъ.
Ты гляди же нынѣ, да младъ отецкой сынъ,
Со кружкомъ да молоденкиимъ,
Со вѣмъ поѣдомъ да княженецкиимъ.
Со породушкой да именитой.
Съ воспринемщицкой крестовой,
Гляди — съ матушкой,
Чтобы послѣ тебя да ни спокается,
Не гнѣвить мня, невольну красну дѣвушку.
И не стыдять бы лица бѣлаго.
Ты гляди-тко, младъ отецкой сынъ:
Я тонка быдто тевичка,
Зелена быдто тровиночка,
Я станомъ ни становитая,
Красотой ни красовитая;
У меня, у красной дѣвушки,
Ко стулу да ко дубовому
Было росту принаставлено,
Толщины было прибавлено,
Красоты въ бѣло лицо принакладено.
Вы глядите-тко, смотрите красну дѣвушку,
Чтобъ опосли вамъ да ни повается.

Когда отъ стола невѣсту поведуть, она причптываетъ слѣдующее:

И ни въ зеленомъ саду да побывала,
Не молоковую траву потоптала,
Не лазоревы цвѣты да сорывала,—
Побывала я во почесномъ во большомъ углу
И постояла у столовъ да у дубовыхъ
И поглядѣла я на млада сына отецкаго.
Три грози мнѣ придалъ младъ отецкой сынъ,
Три велккія:
Перву грозушку далъ превеликую —
Взглянулъ глядушкомъ невеселимъ;
Другу грозушку далъ превеликую —
Опъ вздохнулъ да тяжелешенько;
Третью грозушку далъ да превеликую —

Прискаль оиъ метъ бѣлу ручишку,
Подомать на прадъ бѣлу золото **кольцо**.
Катъ со этого со сграду-веренолоху
Подломилсь мой рѣзани неженьки,
Подражали мой бѣлѣ рученьки
Со этима подносамъ золофоньма,
Со малыма со виньма со чарочкамъ —
Зелено вино по подносу разливалосъ
По моему по цвѣтному портнищечку,
По золоту манищечьку;
Мое цвѣтное портнищечко
По швамъ да расшивалосъ,
Мое золото манищечько
По паямъ да распаялосъ,
Скатны жемчужки мой да перебраны
По жемчужинки они да раскатилсь.
Красотушка-басотушка
Съ бѣла личка потвиралася.
Вы желанне мой родители,
Мнѣ-ка трои, люди, надобно:
Мни-ка перво, люди, надобно—
Снить мнѣ цвѣтное платьицо,
А мни-ка друго, люди, надобно—
Спать золото манищечько,
А мнѣ-ка третье, люди, надобно—
Собратъ скатны жемчужки,
Садить сѣточка жемчужная,
Мнѣ еще да красной дѣвушки
Класть краса-баса-угожество
Во свое бѣло личушко.

Затѣмъ невѣста „отдасть волю“ и притомъ причитываетъ такъ:

Ты прости, прости, разореной задній уголокъ,
Затулушка, прости, да сня завѣска,
Вы окончя, простите-тко, стекольчаты,
Вы простите-тко, косивчаты окошечки,
Вы простите-тко, брусовы бѣлы лавочки,

Гдѣ сидѣла подневольна красна дѣвушка—
У своихъ у желанныхъ родителей;
На брусовой бѣлой лавочки
Я за пятами сидѣла за точонима,
За тамбурушкой сидѣла золоченой,
Гдѣ спѣвала жалки пѣсенки,
Спотѣшала я волю вольную.
Соберитесь-ко, любимы сродцы-сродники,
Мои милыи желанныи родители,
Ко разлушки по вольней пойдемъ волюшки,
Буде здынутся, желанныи родители,
Ваши бѣлыи ручушки
Разрушать монхъ да косоплеточекъ,
Вынимать да монхъ алыхъ ленточекъ,
Разлучать-то меня съ вольной волюшкой,—
Ни отдамъ-то я вамъ, желанныи родители,
Своей вольной волюшки.
Вы, родители теперъ да престарѣлыи,
Потеряете, оброните волю вольную;
Мы пойдемте на крылечушко переное,
На широкую на уличку,—
Пусть полетитъ моя вольная волюшка:
На остудушку лети на чужую сторонушку,
Ты за горушки лети за высокія,
Ты за лѣсушки лети за дремучія,
За Онегушка лѣти за широкія,
И ко славному лети да ты къ Питеру,
Ко бурлакушкамъ лети да Петербургскіимъ;
Путь-ка волюшка моя да покрасуется.
Ты еще лети, да моя вольна волюшка,
Ты въ Кронштадтъ лети къ солдатамъ государевымъ,
Какъ солдатушки да новобранни
Подъ неволюшкой живуть да подъ велпкоей,
Подъ грозой живуть да ни подъ малоей,—
Приставлю я свою волю божскую
Я у этихъ у солдатовъ государевыхъ:

какъ:

Ты живи-тко, моя вольная волюшка,
На ихъ да приберегушка;
Сберегайте-тко мою вольную волюшку
Вы, солдатушки государевы.
Потеряла, обронила волю вольную!
Миѣ пойдти во хоромное строеньцо,
Миѣ-ка взять-то прощеньцо со благословеньцомъ
У желанныхъ моихъ родителей.

Послѣ воли, жениха и невѣсту въ сѣняхъ сводятъ въ одно мѣсто, и говорятъ жениху во пленица: „Вотъ тебѣ тетерька ни шипленая; самъ береби, а отъ людей береги“. Тогда женихъ беретъ невѣсту за волосы и три раза повернетъ и поцѣлуетъ. Послѣ приходятъ въ домъ и садятъ жениха и невѣсту на подушку; и говорятъ: „садили на квашию“. Потомъ ѣдутъ къ вѣнцу въ церковь. Когда изъ церкви привезутъ молодыхъ, то встрѣчаютъ ихъ съ преснымъ молокомъ на ступеняхъ или на дѣвницѣ; поятъ ихъ молокомъ и роютъ или бросаютъ черезъ молодыхъ жито, и благословляютъ вконою. Потомъ сокрутятъ, посадятъ за столъ, — и бываютъ тутъ хвални (то есть, снимаютъ фату съ молодой) и подарки со стороны невѣсты. Дружка прикликиваетъ къ столу — въ началѣ отца: „Чась, перечась, призамолвите! Чась, красны дѣвницы, молодыя молодницы, горшечныя пагубницы! Есть ли, есть ли въ семъ домѣ живущемъ у князя молодого батюшка родной ммярекъ. Если—нѣтъ, такъ пощите; куда ушолъ—такъ пощите; а если спитъ, такъ разбудите и къ князю молодому къ столу приведите“. Тогда приходитъ отецъ къ столу, и даритъ отца невѣста подаркамъ; также и мать, и сродниковъ. Потомъ за здравіе новобрачныхъ бываетъ попойка — у кого чтѣ принасается.

Свадьба всякая производится со отпускомъ, то есть, съ колдовствомъ, и то рѣдкую свадьбу чуть не испортятъ: дѣлаютъ надъ новобрачными надъ сѣмена, то есть, портятъ, отнимаютъ дѣйство. А власти наши не обращаютъ на это никакого вниманія.

